

ВЛАДИМИР
КОРЕШКОВ

ПОЧЕМУ Я?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Германович Корешков

Почему я?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42948756

SelfPub; 2019

Аннотация

Олег Сапелов – один из тех, кого презрительно называют офисным планктоном. Его жизнь скучна и неинтересна. Каждый день похож один на другой. Ничего нового не происходит. Все знакомые и коллеги считают его законченным неудачником и даже любимая девушка нарекла «лузером». Кажется, впереди никаких перспектив. Ждать уже нечего... Но не надо торопиться ставить на себе крест, у «повелителей» на Олега свои особенные планы. Содержит нецензурную брань.

Почему я?

Зима в этом году выдалась какая-то странная. Новый год был не за горами, а снег выпал только один раз, и то, не пролежав и суток, он съезжился и растаял, не отстояв своего положенного права лежать до весны, покрывая землю, как простыней, белым саваном. Смешиваясь с ледяными косыми струями декабрьского дождя, он стыдливо сбежал, скатываясь ручьем в решетки городской канализации, оставляя после себя мокрый черный блестящий асфальт, в который были вкраплены своеобразным орнаментом последние опавшие в ноябре и не убранные нерадивыми дворниками листья. Казалось, что все – зима отступила насовсем и до весны нас ждет только пасмурная, нехолодная погода. Вот и скворец почему-то так подумал, возможно, посчитав, что справится со всеми превратностями такой зимы, а возможно, по глупости или из чувства полного несогласия с законами природы. Бунтарь, одним словом.

Каждый день утром, идя на работу, я встречал его за обычным для его популяции занятием – увлеченным копаньем тонким, острым, черным клювом в пожухлой, свалывшейся, прелой листве в поисках пропитания. Завидев меня, он не убегал, на время останавливался, отвлекаясь от своего занятия и смешно вертя головой. Его глазки-бусинки смотрели на меня очень внимательно и сосредоточенно. «Почему ты не улетел, дурачок ты этакий?» – каждый раз я спраши-

вал его.

Этот скворец, пошедший наперекор всему, наплевав на все каноны, внушал мне чувство уважения. Понимая, что еду ему будет находить с каждым днем все труднее и труднее, я дал себе твердое обещание подкормить мужественного скворца – принести ему кусочек хлебушка, но каждый раз, собираясь бегом на работу, выскакивая в последний момент из дома, одновременно втискиваясь в куртку и застегиваясь на ходу, я забывал сделать это. Встречая скворца по ходу, задавал ему все тот же вопрос: «Почему ты не улетел, дурачок?» Скворец ничего не отвечал, только пронзительно смотрел на меня. Я же, не получая ответа от гордой птицы, торопился на автобус.

Ночью подул холоднющий, пронизывающий насквозь, до самых костей, северный ветер. Температура резко упала до минус девяти. Сегодня я не забыл о своем обещании – положил в карман заранее приготовленную горбушку черного хлеба. К сожалению, было поздно, скворец не пережил холодной ночи. Его небольшая тушка лежала на боку, вмерзшая одним крылом и скрюченной тонкой лапкой в ледяную лужу, голова неестественно вывернута. Ветер всюду трепал пушистые перья, а черные глаза-бусинки смотрели поверх меня куда-то далеко в небо. Мне казалось, что наверняка этот храбрый, бесшабашный скворец, замерзая, в ожидании рассвета вспоминал в последние минуты перед смертью те летние денечки, когда он, резвясь, парил в высоком небе на

уровне облаков, а теплые лучи солнца, ласково касаясь кончиков крыльев, согревали его ранним утром.

Странно. Я вроде никогда не был сентиментальным. Но тут смерть бунтаря скворца расстроила меня до слез. Тербя в кармане не востребованный хлеб, разрывая его пальцами на мелкие кусочки, я чувствовал свою вину. Казалось, подкорми птицу вовремя – и он пережил бы временную непогоду, благополучно дожил бы до следующей весны, доказав всем, что кто-то может быть сильнее обстоятельств и законов природы, стоит только сильно захотеть. Выкинув из кармана ставшие уже ненужными хлебные крошки, я достал наушники от мобильного, засунул их себе в ухо, включил музыку. Известная американская дива вкрадчиво пела о том, что она королева, в голову пришла мысль еще об одной королеве – Светке.

Познакомились мы почти два года назад на корпоративе по случаю наступающего Нового года, а заодно руководство приурочило к этому событию и открытие еще одного филиала. Ну ладно, не филиала, а так, филиальчика нашей фирмы. Чего я туда приперся, сам не знаю. Я не любитель шумных, увеселительных мероприятий, плавно перетекающих в обыкновенную попойку, разве что там присутствовала халявная, почти дармовая пайка и выпивка. Почему почти дармовая? Да потому, что на работе каждый день в течение года нас бессовестно эксплуатируют, требуя во что бы то ни

стало результат. Мы вкалываем как волю, не разгибая спины и не покладая «копыт», а из нас беспощадно выжимают все соки, как из той кисоньки в анекдоте, которая, гуляя сама по себе, случайно поскользнулась и упала в чан с алкоголем, отчего собственно захлебнулась и утонула, бедолажка. Правда, кто-то говорит, что это достойная смерть, ну а «хрони», выловив труп бедной зверушки, долго выкручивали его над тазиком как полотенце со словами: «Ну кисонька, ну мурысонька, еще сто грамм».

Да и потом, за то время, что работаю в отделе обычной конторской крысой изо дня в день, а это не один год, я до тошноты насмотрелся на рожи своих коллег, наслушался их откровений, знал все их проблемы. Кто чем дышит, у кого какой головняк по жизни, кого от чего прет, кто кого трахнул или, наоборот, кого и как трахнули, плюс всевозможные сплетни, ну и так далее. Надоело все это до чертиков, ну и вообще – неинтересно. Я и так старался сводить все мои контакты с сослуживцами к минимуму. А участвовать в алкогольном марафоне, даже по случаю такого всеми любимого праздника, меня не «вставляло».

Единственный из коллег, с кем мне было интересно, – это приятель мой Сашка, что сидел за соседним рабочим столом. Но мы и так каждую пятницу с ним за шахматишками и пивом с чипсами встречаемся, коротая таким образом свой досуг. Так что я бы с удовольствием не пошел. Но шеф был непреклонен, твердым тоном, не терпящим никаких возра-

жений, приказал, чтобы все сотрудники были на корпоративе, для, так сказать, сплочения коллектива, а приказы начальства, как знают все, не обсуждаются. У каждого из нас над компьютером висит листочек с кодексом правил, первое из которых выделено жирным шрифтом и гласит: «1. Начальник всегда прав. 2. Когда ты считаешь, что начальник не прав, смотри пункт первый».

Поскольку я считался ветераном в конторе, то это был не первый мой корпоратив, так что примерный сценарий, как все будет происходить, я уже знал заранее. Все такие красивые, напомаженные, чистые и вкусно пахнущие чинно рассядутся за накрытые столы, якобы внимательно слушающие (а на самом деле тайно мечтающие, чтобы вступительная часть побыстрее закончилась) доклад руководителя о том, какие мы все здесь молодцы и каких небывалых успехов наш коллектив достиг за истекший период, и если в следующем году мы будем так же прилежно работать, то успехи у фирмы (читай между строк: бабло в кармане шефа и увеличение благосостояния всех членов его семьи) будут еще более небывалые.

Потом, еле дождавшись, когда шеф уже наконец закончит свою витиеватую и достаточно нудную речь, все жадно потянутся наливать, заполняя до краев уже давно ожидающую посуду. Кто водочки, кто вискарика, а некоторые, почитающие себя эстетами, даже вина или игристого шипучего напитка. Пока, шумно звеня горлышками бутылок о краешки

бокалов и рюмок, благодатно разливается алкоголь, нашими постоянными штатными тамадами тут же молниеносно опустошаются до дна тарелки с салатами и прочими нехитрыми холодными закусками. Такое впечатление, что мои сослуживцы весь год не ели и не пили, а только прилежно работали, наплевав на потребности организма, дожидаясь именно того момента, когда же наконец в конце календарного года можно будет оторваться по полной и утолить зверскую жажду и голод.

Так что все как всегда: намечалась рядовая корпоративная попойка со всеми непреложными атрибутами: пьяным Дедом Морозом, которого, как обычно, играл Алексей Михалыч – наш завхоз, мужчина бодрячок, только что перешагнувший пятидесятилетний рубеж. Набор его шуточек каждый год был одинаков, остроты с бородой сродни его возрасту, а юмор и анекдоты как правило ниже пояса, но народу, изрядно вкусившему веселящих напитков, нравилось. Пьяную компанию все устраивало, хохотали от души.

Дед Мороз имел репутацию не только не иссякающего источника словесности, но и завязатого ловеласа. Пьяно похотывая, не переставая сыпать шутками, прибаутками и тостами, заставляя публику через каждые пять минут по случаю и без, чокаясь, поднимать бокалы, он не забывал при этом активно тискать Снегурочку – Алену Ивановну, достаточно грузную даму за сорок, имеющую одно несомненное достоинство – непомерно большую грудь. Она очень гордит-

ся этой частью своей достаточно монументальной фигуры. И действительно, когда Господь раздавал грудь, он очень щедро одарил Алену Ивановну, наверняка лишив как минимум десяток других дам этой восхитительной части тела, оставив их ни с чем, то бишь с нулевым размером. Ведь не зря говорят, если где-то прибывает, значит, в другом месте обязательно убывает.

Вволю потискав раскрасневшуюся от выпитого алкоголя и исключительно непрозрачных намеков, уже на все готовую Снегурочку, возрастной ловелас, воодушевленный таким успехом, был очень доволен собой, но, окинув нетрезвым взглядом остальных присутствующих на вечере представительниц прекрасного пола, он удивляется, сколько вокруг еще не охваченных его чуткой заботой и вниманием прекрасных див, ярко ощущая в себе дополнительный прилив сил и неограниченных возможностей для покорения сердец всего остального женского электората. Одной Снегурочки ему становится мало, он явственно начинает осознавать, что увядающая сказочная фея вовсе не предел его мечтаний, это не совсем то, чего бы ему хотелось, потребности его организма гораздо шире и глубже, и он достоин в этой жизни лучшего – кого-нибудь помоложе, да позабористее. Вон их тут сколько!

Дед Мороз, поверив в себя, переживая вторую молодость, начинает свой поход за совершенством. Исподтишка, как Мальчиш-Плохиш, возрастной донжуан, подкрадываясь к

жертвам бенгальским тигром, будет как бы между прочим поочередно лапать остальных дам из нашего отдела, при этом пьяно икая и предлагая им немедленно уединиться для плотских, так сказать, утех. Дамы, не достигшие еще нужной кондиции, как правило, отказывают ему. Но Дед Мороз не сдаётся. Его упорству может позавидовать любой сказочный герой, даже сам Иван-царевич. Заканчивается, впрочем, все это достаточно предсказуемо: не добившись взаимности от других дам, он возвращается к Снегурке. Та – в гневе, она оскорблена скотским поведением Деда Мороза, но под мощным напором озабоченного северного старца, наконец, сдаётся. Шумное соитие между двумя сказочными персонажами происходит в ближайшей подсобке. Оба довольны.

Дальше танцуют все. Особенно стараются наиболее продвинутые и экзальтированные девицы из нашего отдела. Людка с Маринкой, от избытка чувств и хорошо подогретые алкоголем, напрочь забыв о таком качестве, как женское целомудрие, под всеобщее улюлюканье высоко задрав юбки, взбираются на стол, чтобы удивить и сразить наповал всех чудо-танцем. Эти две весьма нетрезвые особы пребывают в полной уверенности, что исполняют стрип-пластику, но, поскольку имеют весьма отдаленные и крайне поверхностные познания об этом виде танцевального искусства, ничего кроме дерганных, скомканных, конвульсивных и ни фига не эротических движений, больше напоминающих извивающегося в предсмертных муках червяка, оказавшегося на крючке, по-

казать не могут. Но народу опять нравится, народ взбудоражен, он неистовствует. Праздничный вечер продолжается – шоу маст гоу он!

Обычно все заканчивается под утро, кто-то успел, сильно покачиваясь как во время шторма, удалиться домой, кто-то нет, уснув за столом с перепачканным майонезом лицом в своей тарелке, не сумев донести свое туловище до домашнего очага, а кто-то, не справившись с обилием выпитого, стоя как кающийся грешник в коленопреклоненной позе, склонился над белоснежным унитазом в три погибели вовсю пугает Ихтиандра, пытаясь побыстрее освободить свое брненное тело от немерено выпитого и съеденного на халяву. Каждый год одно и то же.

Наутро у всего коллектива жуткое алкогольное похмелье, переходящее в не менее жуткое моральное похмелье. В офисе висит, как смог над Токио, кошмарный бахус перегара. Кулер с водой популярен как никогда, к нему, как на водопой во время летней засухи, выстроилась живая очередь полуживых людей, все пытаются залить бушующий пожар в желудке животворящей жидкостью. Отовсюду слышны нервные смешки по поводу того, кто, что и как сотворил в пьяном угаре, и тут же клятвенные обещания, что никогда и ни за что больше. Впрочем, как показала практика, все обещания, данные с похмелья год назад, как перед Богом на Страшном суде, успешно забываются и все повторяется, как заезженная пластинка, снова и снова.

Вот и два года назад все шло по извечному сценарию. Чтобы побыстрее почувствовать себя в теме и особенно не выпадать из общей обоймы, я заливал себя сладким шипучим напитком, который с легкой руки какого-то идиота у нас называется «шампанским». Хлебал я шампусик не потому, что зрил себя эстетом, просто я втайне полагал, что если закидаться слабоалкогольным напитком, то и похмелье меня ждет слабоалкогольное. Заранее предупреждаю всех: это глубокое заблуждение, повторять или брать на вооружение данную концепцию не рекомендуется, опасно для здоровья.

Шеф только что произнес свой новогодний спич, поздравив коллектив с наступающим, заодно представив нам трех сотрудников из вновь открытого филиала, правда, тут же посетовав, что не все в сборе – две сотрудницы еще запаздывают, но в скором времени обещают быть. Я скинул из общего блюда в свою тарелочку пару упитанных, истекающих маслом шпротин и, одну из них уже насадив на вилку, попытался отправить себе в рот. Не успел. Рука застыла на полпути. Входная дверь в зал, где творилось торжество, широко распахнулась среди шумного бала, на пороге, переминаясь в нерешительности, стояли две девушки, одна из которых сразу завладела моим вниманием. Сногсшибательная, высокая блондинка, в облегающем, выше колен серебристом платье, очень выгодно подчеркивающим ее тугие, словно отлитые из бронзы известным скульптором, формы. На длинных стройных, как из рекламы колготок, ногах черные ту-

фельки на высоченной шпильке – дух захватывает. На голове какая-то немыслимая прическа, копну волос цвета спелой пшеницы, поднятых кверху, поддерживает легкомысленный черный бант, мраморная лебединая шея – мечта не только вампиров и вурдалаков там разных, но и любого гетеросексуального мужчины – оголена, умело наложенный макияж приковывает и уже не отпускает взгляд от голубых, как два колдца с чистой родниковой водой, глаз, пухлые ярко-алые губы, улыбаясь, обнажают белоснежные идеально ровные зубки. Таких девушек причисляют к особой касте, называя их породистыми. Я всегда мечтал о такой. Именно так, по моему глубокому убеждению, должна была выглядеть моя будущая избранница, с которой я пойду по жизни.

Эта девушка казалась мне из другого мира, словно спящая принцесса ожила и материализовалась, выбравшись из самых потаенных уголков моего подсознания, она являлась олицетворением всех моих тайных мечтаний и ночных грез. Шеф, поднявшись со своего места, представил девушек.

– Знакомьтесь, друзья, Любовь Фролова и Светлана Костромская.

Блондинка, ослепительно улыбаясь, сделала легкий кивок головы, этот жест получился у нее по-королевски грациозным.

– Эти две опоздавшие очаровательные девушки, – продолжил шеф, – теперь ваши новые коллеги. Прошу любить и жаловать.

Жирная шпротина, так и не дождавшись, когда ее съедят, соскользнула с вилки и рухнула обратно в мою тарелку, забрызгав скатерть маленькими масляными брызгами, мой рот, не проглотив рыбку, так и остался открытым.

«Можно ли доверять своим глазам, а вдруг мне эта девушка всего лишь привиделась?» – пронеслось в голове.

– Ущипни меня, – попросил я сидевшего рядом Сашку.

Сашка с удовольствием и с удивительной для него проворностью, обычно он не такой резвый, исполнил мою просьбу и со всей дури, как лошадь Пржевальского, ущипнул меня за ногу.

– Больно, дурак! Что ты делаешь? – взвился я.

– Сам просил, – ухмыльнулся Сашка. Затем, проследив глазами за моим взглядом, он покачал головой: – Одумайся, Олежек, не твоего полета птичка, вы не два сапога в паре.

– Иди к черту! – Я не хотел его слушать. Я был зачарован и околдован. – Какая девушка... – прошептал я не в силах оторвать от нее взгляда, как загипнотизированный. – И имя у нее какое красивое – Света.

– Угу, а главное редкое, – ехидненько поддакнул Сашка.

Девушки присели на свободные места, за дальний угол стола. Я теперь мог видеть только ее профиль, но, боже, какой это был профиль, с ума сойти можно. Дождавшись, когда же наконец заиграет музыка, приглашавшая собравшихся оторваться от поглощения так называемых яств и потанцевать, а объевшийся народ начинает, выползая из-за стола,

разбредаться – кому покурить, кому обменяться последними новостями и мнениями, кому просто подышать свежим воздухом, а кому по естественной надобности, я понял, что надо действовать.

– Сашок, пожелай мне удачи, – бросил я товарищу.

– Олежек, не будь идиотом, – вместо напутствия ответил мне Сашка. Он попытался еще что-то сказать, видимо, хотел облагоразумить, но я его уже не слушал. Выдув одним махом для храбрости подряд два бокала с игристым и взяв еще два полных бокала с шипящим напитком в руки, уверенный, что разобьюсь в доску, но во что бы то ни стало познакомлюсь с самой очаровательной девушкой на свете. Подойдя к ней, не зная, что сказать, как представиться, ну и вообще, как завести разговор, я словно пулемет выпалил:

– Прекрасная незнакомка, разрешите вами восхищаться! – Я слышал эту фразу в каком-то кино. Глупо, конечно, но ничего лучшего я не придумал, был бы на моем месте какой-нибудь соблазнитель-волокита, он бы преподнес все изысканно и утонченно, но я – обычный парень, и потом, кто был по-настоящему одурманен женскими чарами, тот меня поймет: вначале ты теряешь голову, потом все остальное, и разум в том числе.

Наверное, вступительные слова я произнес неожиданно для девушки и достаточно громко. Она поперхнулась, чуть не подавившись, потом недоуменно подняла на меня свои чистые голубые глаза.

– Вот шампанское, – протянул я ей бокал. – Меня Олегом зовут.

Думаю, что девушка в этот момент посчитала меня полным идиотом.

– Света, – представилась она в ответ, приняв у меня бокал и поставив его на стол. Я отметил про себя царственную красоту ее рук.

– Очень приятно, – продолжил я. – Не хотите потанцевать?

Света удивленно повела головой, пожала плечами.

– Ну, давайте потанцуем, – сказала она неуверенно.

Девушка поднялась из-за стола. На каблуках она была выше меня и вблизи еще красивее и привлекательнее. Я опять ушел в ступор.

– Вы так с бокалом и собираетесь танцевать? – улыбаясь, поинтересовалась она. – Будет неудобно.

– Ах да. Да, конечно, – вернулся я на землю, поставив свой бокал рядом с тем, который только что протянул ей. Мне показалось, что два бокала прекрасно смотрелись вместе, и я посчитал это хорошим знаком. Гордо вывел девушку на середину зала, она мягко положила свои руки мне на плечи, мы медленно заскользили в танце в полумраке зала. Я упивался ароматом ее тонких со свежей ноткой духов, моя ладонь, обвивавшая ее гибкую талию, слегка взмокла. Тихая, еле слышная музыка, что-то шепча, окутывала как туманом. Наши тела соприкасались. Возможность чувствовать ее

упругую грудь, сильные тугие бедра опьяняла, сводила меня с ума. Желание раствориться в ней, слиться в одно целое было непреодолимо, став почти маниакальным. То и дело небольшая прядка ее пшеничных волос, выбившаяся из-под банта, поддерживающего чудную Светину прическу, щекотала мою щеку, и для меня это было невообразимо приятно. Сердце колотилось как бешеное.

«Только не молчи! – мысленно приказал я себе. – Не молчи, а говори, иначе упустишь ее». Обычно меня нельзя обвинить в словоохотливости, но тут понесло. Очень хотелось произвести впечатление на девушку своей мечты, заставить ее обратить на себя внимание, заинтересоваться мной. Боже, что только я не нес, откуда, из каких темных закоулков моего сознания все это бралось. На следующей день мне самому было очень стыдно вспоминать, но близость умопомрачительной красавицы, сердце которой во что бы то ни стало я был обязан покорить, плюс изрядная доза алкоголя, вылаканного мной перед этим, помогли снять тормоза и развязать мой язык. Я был неудержим. Распустив хвост как павлин, самозабвенно врал о себе напраполюю, не стесняясь. Самое страшное, что когда рассказывал ей всевозможные небылицы якобы из своей незаурядной и чрезвычайно увлекательной жизни, то и сам был уверен, что все это стопроцентная правда.

Поздно вечером мы оказались не только у меня в кварти-

ре, но и в моей постели. Не могу сказать, что Света была особо темпераментна. Никаких ложных стонов и вскриков, но в постели она сумела сделать так, что мне было очень хорошо, даже безумно хорошо. Она как будто заранее знала, чего и как я хочу, предугадывая все мои желания, но правда взамен была очень требовательна ко мне и желала получить в обмен свое в полной мере и в полном объеме, а я старался как мог, чтобы быть на высоте, не ударить в грязь лицом, и изо всех сил улаживал богиню, которую уже считал своей.

На следующий день, пока она еще спала, я приготовил свой фирменный завтрак – омлет с сыром и зеленью, заварил ароматный кофе. Сидя на краешке кровати, терпеливо, как верный пес, дожидался, пока она проснется, наслаждаясь видом спящей небожительницы. После прошедшей ночи я, как дурачок, испытывал чувство неопишуемого, щенячьего восторга и ощущал себя полностью счастливым, думая, как мне повезло. Наконец-то в моей жизни что-то сдвинулось в лучшую сторону, и теперь уже будет все хорошо.

Когда она проснулась, то как должное приняла от меня готовый завтрак в постель. Для себя я уже все решил, поэтому, не откладывая в долгий ящик, предложил ей жить вместе вот прямо здесь, в моей трех комнатной квартире, оставшейся мне по наследству от моих погибших много лет назад в автокатастрофе родителей. Квартира мне очень нравилась, я гордился ею, она казалась мне образцом уюта. Мама была дизайнером и со вкусом переделала рядовую трешку, удачно

скомбинировав несколько, казалось, несочетаемых архитектурных стилей и направлений – модернизм, лофт и хай-тек.

Весь на нервах, затаив дыхание, я ждал, как отреагирует Света и что ответит на мое предложение. Она, допивая кофе, обвела взглядом квартиру, недолго думая, без какого-либо жеманства согласилась. Я был на вершине счастья. Ее вещи из общаги, где она ютилась, мы перевезли в этот же день. Каждый день после работы я, забыв обо всем на свете, летел домой как на крыльях, потому что хотел побыстрее увидеть ее. Я был влюблен как мальчишка и очень счастлив, а счастье, как известно, застилает глаза, делая человека на время слепым, заставляя не замечать, казалось бы, очевидные вещи.

Светлана по-королевски, щедро позволила мне восхищаться ею – это было само собой разумеющееся, ведь она царица, а царицами положено восхищаться и падать перед ними ниц, ползать у них в ногах, вымаливая милость. Она давала мне эту милость, но взамен постоянно что-нибудь требовала. Прекрасно осознавая, какую неограниченную власть она имеет надо мной, Света манипулировала мною как игрушкой, я был в ее руках послушным плюшевым зайчиком. Она так и называла меня – Зая. Казалось, не бывает таких преград, которых я ради нее не преодолел бы.

– Зая, – говорила она, гипнотизируя меня своими голубыми чистыми глазами, – мы с тобой никогда не были в Париже. Говорят, это очень романтичный город, он создан для

влюбленных, то есть для нас с тобой. Давай слетаем туда в следующем месяце.

– Наверное, не получится, Светик, у нас сейчас проблема с денежкой, – пытался я ей объяснить, казалось бы, прописные истины. – Вот подкопим и полетим.

Но Света не хотела копить, не хотела ждать, она хотела сейчас и сегодня.

– Зая, – она начинала ластиться ко мне как кошечка, а голос ее становился масляно-плаксивым, – мы же можем взять кредит в банке, тебе дадут: ты уже давно работаешь на одном месте и у тебя хорошая кредитная история, ты сам говорил. Нам обязательно надо слетать в Париж. Ну пожа-а-алуйста.

Свое пожалуйста она произносила по-особому, тянула слоги, одновременно глядя меня своими нежными, волшебными руками. Если ей с наскоку не удавалось выпросить то, чего она хотела, она злилась, надувалась, поджимая губки, и могла несколько дней со мной не разговаривать. Сама при этом тяжело вздыхала и как будто смахивала слезу, как обиженный ребенок, и я сдавался. Она всегда добивалась своего – будь то Париж или новые супермодные, а значит, невероятно дорогие сапожки из бутика, потому что она считала, что это все положено ей по праву рождения, ведь она достойна. Потом в награду я получал секс и был полностью уверен, что чувства у нас настоящие и все у нас взаимно.

Но потихоньку все начинало меняться, я явно не успевал за ее хочу, она стала все чаще раздражаться. Мы не разгова-

ривали уже неделями. Я, считая, что ее дурное настроение – это временно, пытаюсь хоть как-то достучаться до нее, твердил ей, что надо чуть-чуть подождать, меня повысят на работе, а это повлечет за собой солидную прибавку к жалованию и мы сможем многое себе позволить. Сам-то я, конечно, не верил в то, что говорил, думая, что это поможет, лаской старался компенсировать отсутствие финансов. Не помогало. Она, не слушая меня, отворачиваясь, не давая шансов сблизиться. Света стала все чаще задерживаться на работе, приходя домой поздно, даже не пытаюсь хоть как-то объяснить причины своих задержек. Подспудно я понимал, что мы на пороге краха наших отношений, но не хотел в это верить.

Полгода назад, возвращаясь с работы, я увидел возле нашего подъезда большой черный блестящий лимузин «Мерседес S 500» – невероятно шикарная машина. Я о такой даже во сне мечтать не мог.

Стекло водительской двери было опущено. За рулем сидел крепкий, спортивного вида мужчина за сорок. В крутом деловом костюме, белоснежной рубашке, как будто только что из химчистки. Воротничок рубашки расстегнут на несколько пуговичек, на бычьей подкаченной шее виднелась золотая цепь толщиной в два моих пальца, голова у мужчины была гладко выбрита, бородка эспаньолка с вкраплением седины очень аккуратно пострижена, из открытого окна пахло дорогим одеколоном, натуральной кожей сидений и еще

чем-то, сразу не скажешь чем. Помнится, я тогда подумал, что, наверное, так пахнет денежное благополучие. Не замечая никого вокруг, он барабанил пальцами по деревянному рулю в такт раздававшейся из динамиков музыке. Играла группа «Savage». Солист самозабвенно пел свой бессмертный хит «Onli you». Хорошая песня. Если бы у меня была такая машина, я бы ее тоже с удовольствием за рулем слушал. Поднявшись по лестнице и открыв дверь своей квартиры, я увидел распахнутый настежь уже полупустой платяной шкаф, возле него суетящуюся Светку, складывающую в чемоданы свои вещи. Она мельком глянула на меня.

– Черт, не успела, – выдохнула себе под нос и как ни в чем не бывало продолжила запихивать в раскрытые пасти кофров свое шмотье.

– Что это значит? – озадаченно поинтересовался я.

– Знаешь, Олег, давай без истерик.

– И все-таки, может, ты на секунду отвлечешься от своего увлекательного занятия и объяснишь, наконец, что все это значит.

Светка подняла на меня свои голубые глаза, ставшие абсолютно холодными и чужими.

– А ты сам не видишь? Вещи собираю.

– И...?

– Что и?

– Хотелось бы поподробнее.

– Поподробнее? – усмехнулась Светка. – Пожалуйста. Я

устала. Я уйду от тебя. Мне надоело жить с неудачником.

Это был, конечно, удар, и крайне болезненный, но подсознательно к чему-то в этом роде я был готов.

– А «удачник» – это тот, кто внизу в мерсе сидит? – Светка кивнула головой. – А чем он такой «удачник», потому что бабла по карманам натырил? Мерина себе прикупил?

– Не только. У него дом и здесь, и недвижка в Испании, и вообще, человек в отличие от тебя умеет жить.

– А ничего, что этот «удачник» как минимум лет этак на пятнадцать старше тебя? Возможно, у меня в его возрасте тоже все будет.

– Никогда и ничего у тебя не будет. Потому что, как я говорила, ты – лузер конченный, – зло бросила Светка. Это прозвучало как пожизненный приговор. Она с шумом захлопнула крышки чемоданов, щелкнула замками. – Все. Пока. Не провожай.

Тоскливо скрипнула входная дверь, затворившаяся за ней. Моя квартира опустела и больше не казалась мне пристанищем уюта. Стало как-то серо, в воздухе еще витал аромат ее духов, но уже всюду запахло безнадегой. Я устало сел на кровать. Слова-то какие обидные и гадкие – лузер, неудачник. Какая их сволочь только выдумала? Наверняка какой-нибудь махровый мизантроп. И почему конченный, что, бывают лузеры не конченные? Или, исходя из Светкиной логики, у меня вообще никаких шансов на обретение нормальной человеческой жизни, потому что я, с ее слов,

не умею жить. И что такое есть нормальная человеческая жизнь? Она устала и ушла, оставив после себя воспоминания и кучу кредитов, которые мне надо будет выплачивать полжизни.

Тогда передо мной на повестке дня стоял только один, почти гамлетовский вопрос: «Пить или не пить?», и для себя я решил однозначно, что пить, хлебать ведрами. Но тому, кто будет пытаться утопить свою горе-печаль в алкоголе, могу сказать однозначно: это не поможет. А возможно, еще и усугубит. Сколько я бы ни вливал в себя, мой мозг ни на секунду не останавливаясь, как заведенный, будто зациклившись, постоянно подзуживая, прокручивал хлесткую, как удар ветки по щекам, съедающую меня изнутри Светкину фразу: «Ты – лузер конченный». От ее злых, обидных слов было не убежать, не спрятаться под одеялом, не скрыться в алкогольном дурмане.

Я так ушел в себя, в свои воспоминания, что не заметил, как ступил на проезжую часть. Мало того, что я сделал это на запрещающий красный сигнал светофора, но еще и перед самым носом автобуса номер девять. Последнее, что я увидел в пару метрах от себя, – это за громадным лобовым стеклом, похожим на витринное окно в магазине, сидящего словно в аквариуме водителя, который судорожно вцепился в баранку и старался сделать невозможное – остановить многотонное металлическое чудовище, неотвратимо двигавшееся на

меня. Его перекошенное от ужаса лицо и широко открытый в немом крике рот.

Я весь сжался и закрыл глаза, удара я не почувствовал, просто вспышка света. Я не увидел того, о чем твердят многие якобы вернувшиеся с того света. Моя душа не вытряхнулась из моего брэнного тела как подушка из наволочки и не воспарила над рейсовым автобусом номер девять, будь он не ладен, не было темной трубы – тоннеля, в конце которого свет, и на выходе меня должны встречать мои давно умершие родственники. Всего этого не было. Я просто лежал в каком-то помещении, мне было очень удобно и комфортно, а главное сухо. Глаза я пока не открывал, боялся. Так и лежал зажмурившись, но четко осознавал, что за плотно закрытыми веками вокруг меня царствует яркий свет и это не солнечный свет, а искусственный. Значит, скорей всего, я в больнице. Так же, не открывая глаз, сначала осторожно втянул ноздрями воздух, он был абсолютно нейтрален, не имел каких-либо посторонних примесей или запахов, затем пошевелил одной рукой, потом другой. Обе руки действуют, потом то же самое проделал с ногами – все в порядке, ничего не беспокоит и не болит. Я тщательно ощупал себя, никаких изъянов на своем теле не обнаружил – это хорошо. Странно только одно, что лежал я в верхней одежде и ботинках, как и был перед тем, как попасть под автобус. Наконец, набравшись смелости, открыл один глаз, огляделся и сильно удивился.

Помещение, в котором я находился, ну никак не напоминало больничную палату, стены были гладкие, кипенно-белые и совершенно не понятно, из какого материала они сделаны, я ничего подобного раньше не видел. В комнате нет ни одного окна, а очень светло, но ни на потолке, ни на стенах светильников не видно. Свет струится отовсюду, он, как вода через мелкий дуршлаг, проскальзывает сквозь стены, потолок и пол. Я покрутил головой – ни дверей, ни шкафчика, ни тумбочки, ну или какой-нибудь завалящей табуретки, вообще никакой мебели. Но что самое удивительное, лежал я не на кровати, а просто парил в воздухе. Меня пробил озноб. Волосы на голове зашевелились, мурашки с грецкий орех поползли по спине. Тут же голову посетила шальная мысль, заставившая вздрогнуть, а что если помещение, в котором я сейчас нахожусь, и есть то самое Чистилище, а в ближайшее время меня ожидает Страшный суд. Со строгим прокурором в виде белобородого старца и с остальными вытекающими, так сказать. Ну и куда меня теперь – вниз или вверх? Я поежился.

Начал лихорадочно вспоминать, что плохого и что хорошего натворил на белом свете за свою не очень долгую жизнь. Мысленно ее, жизнь то бишь, разделил на две графы, в одну вписывал хорошие дела, совершенные мною прижизненно, в другую – совершенные мною грехи. После недолгих и крайне несложных арифметических подсчетов у меня получилось, что графа с моими грехами и пороками как ми-

нимум вдвое больше, чем та же графа, но с добрыми делами, и шансов на решение моего вопроса верховным прокурором в положительную сторону у меня мизер. Это хреново. Я тут же решил для себя, нет Олежек, друг мой ситный, давай считать, что это больница. Да, немного необычная, согласен, но все-таки больница. Ну не простая, конечно, наверное, какая-то экспериментальная, иначе быть не может, и точка. Сказал я это вслух и как можно более твердым голосом, желая убедить себя в вышесказанном во что бы то ни стало. Как-то не получилось с убедительностью, наверное, сам не верил в то, что говорил. Да и с твердостью в голосе тоже не очень. Короче, лажа какая-то. Откуда-то сверху, заставив меня подскочить как ужаленного, раздался глубокий женский голос.

– Я вижу, вы очнулись и можете воспринимать очевидность.

Твою дивизию, как же так можно, я чуть не обделался, честное слово. Это я проорал мысленно, слава Богу, каким-то чудом сумел удержать язык за зубами и от души выругался про себя. Вслух же, как из пулемета, без интервалов выпалил два очень интересующих меня вопроса

– Где я? И кто вы?

В ответ минутная пауза, женский голос, говорящий со мной, о чем-то задумался. И опять этот же глубокий голос из ниоткуда произнес.

– Наверное, нам лучше поговорить с глазу на глаз, я к вам сей же час подойду.

Она говорила очень странно, вроде бы по-русски и все понятно, но интервалы между словами и ударение на слоги. Ну не говорят так носители русского языка.

Стена напротив меня разъехалась в разные стороны, образуя небольшой проход, в нем я увидел очертания женской фигуры, за ней ничего, кроме яркого света. Женщина шагнула в комнату, стена тут же затворилась, так и не дав мне возможность рассмотреть, что за ней находится. После того как стена сошлась, она стала опять абсолютно гладкой и ровной – ни шва, ни стыка никакого, даже малейшего намёка хотя бы на минипусенькую щель, которая обозначила бы то место, где должен быть вход в палату, ну и, естественно, выход тоже.

Я полностью переключил свое внимание на вошедшую женщину. Кого-то она мне явно напоминала. Была она высокая и статная, одета в облегающий белый блестящий комбинезон, материя которого производила впечатление ее родной кожи, настолько плотно она облегла ее фигуру, подчеркивая все складочки и переходы на безупречном теле, ее пропорции были идеальны. Длинные совершенные ноги, круглые покатые плечи, высокая упругая грудь, плоский подтянутый живот, что редко увидишь у женщин, весь в рельефных кубиках мускулатуры, крутые, словно высеченные из монолитной гранитной скалы, бедра. Она сделала по на-

правлению ко мне всего пару шагов, но очень отчетливо было видно, как под тканью перекачиваются стальные мышцы натренированного тела. Да, она была совершенна, но в тоже время, что-то было не так. Волосы у нее пепельно-белого цвета, такое впечатление, что седые, собраны в густую, короткую косу. Идеально гладкое бело-мраморное лицо без единой морщинки, тонкие черные брови вразлет, прямой нос, высокие скулы, пухлые алые губы, невероятно длинные ресницы.

Безусловно, она была очень красива, но поражало не это, а то, что я не мог точно определить ее возраст, сколько ей лет. Женщине можно было дать тридцать, сорок, пятьдесят, сто, двести, да сколько угодно! Наверное, это из-за ее серых больших глаз, говорят, что глаза – это зеркало души, скорее всего, так и есть, потому что, не знаю, как это описать, но в этих глазах были не только неограниченные возможности и непреклонная сила и власть, но и вселенский разум, и мировая печаль, и многолетний жизненный опыт, и усталость. И еще, лицо словно каменное – никаких эмоций, несмотря на то, что я мог разглядеть все нюансы ее супервеликолепной фигуры, вплоть до крупных выпирающих сосков на высокой груди и отчетливо вырисовывающегося внизу живота раздвоенного бугорка Венеры. По сути, она была абсолютно голая передо мной, и ее странная одежда-кожа никак это не скрывала, но эта женщина не вызывала у меня никакого влечения. Ничего не шевельнулось, не возбуждилось, и

не потому что после того, как поступила со мной Светка, я стал завзятым женоненавистником и потерял интерес к женскому полу, нет, у меня по-прежнему присутствовал здоровый мужской сексуальный аппетит, и я всегда был не против. Просто от нее, от этой женщины, совсем не исходило хоть сколько-нибудь маломальских флюидов женской сексуальности. Она напоминала мне каменную скульптуру, а каменная скульптура вряд ли кого-то может возбудить.

Хотя в нашей среде упорно муссируются слухи об одном любителе каменных девиц с соседнего двора – Иванушке-дурачке, прошу только не путать его с известным и всеми любимым сказочным персонажем. Так вот, говорят, этот самый Иванушка «шпехал» по ночам даму с веслом, стоящую на постаменте у фонтана в городском парке культуры и отдыха, и вроде оба были довольны, но однажды патрульный наряд, состоящий из двух не совсем трезвых блюстителей закона, застал Иванушку за этим неблагоприятным занятием. Блюстители были крайне возмущены, им почему-то показалось несколько ненормальным и слегка противоестественным то, чем так увлеченно занимался Иванушка с дамой, которая с веслом. Они тут же с жестокой бессердечностью разлучили двух возлюбленных. Даму оставили дальше стоять на постаменте и охранять фонтан, а Иванушку отправили туда, где он был частым гостем – в большой красивый белокаменный дом за высоким забором, с решетками на окнах, прямым в палату номер шесть, где до этого уже обитали не только все-

возможные сказочные герои, а также присутствовали на постоянной основе Наполеон, Александр Македонский и даже сам Бэтмен – человек летучая мышь.

Я не Иванушка – это не мой случай, поэтому вошедшая женщина никак не возбуждала мои чресла, да и смотрела она на меня своими серыми глазами без любопытства, без интереса, как на не совсем одушевленный предмет. Так смотрят, например, на кактус в горшке, стоящий на подоконнике, он вроде бы есть, но какое дело вам до него, стоит и стоит.

– Желаю здравствовать, – произнесла она, усаживаясь напротив меня.

Да, именно усаживаясь прямо в воздухе, словно в удобном мягком кресле.

– И вам не хворать, – ответил я, удивленно откидывая нижнюю челюсть.

«А может, она робот», – промелькнуло в голове.

– Нет, я не робот, а человек. Ну не совсем так, как вы понимаете значение этого слова, меня зовут Гелла, а вас Олег Сапелов.

Мою фамилию она произнесла неправильно, с ударением на последнем слог.

Ну ни хрена себе, она еще и мысли мои читает!

– Но вообще-то, моя фамилия Сапелов, – я сознательно сделал ударение на втором слог.

– Хорошо. Я запомню, – так же ровно, без интонаций произнесла она.

– Да, вы правы, мы общаемся посредством телепатии и достаточно редко прибегаем к вербальному общению с помощью языка, поэтому в моей речи могут присутствовать некоторые неточности и неправильности. Я надеюсь, это не сильно усложнит наше взаимодействие.

Я сглотнул слюну. У меня опять в голове зароились мыслишки насчет Чистилища.

– Кто вы? И что значит, не совсем люди в моем понимании.

– Давайте по порядку, – сказала она устало. – И очень вас прошу, не перебивайте, иначе мы так и не доберемся до сути.

Теперь, я понял, кого она мне напоминает. Когда-то давно, в детстве, я посмотрел старый фильм-сказку про Снежную королеву, так вот Гелла была очень похожа на ту Снежную королеву, так же красива и так же холодна. Мне очень захотелось почесаться. Нет, даже не почесаться, я безумно захотелось в свою, казавшуюся мне неудобной после ухода Светки, квартирку, на свой любимый, выдавшей вида протертый диванчик, а еще я бы сейчас чего-нибудь выпил, и хорошо бы, чтобы это чего-нибудь имело бы побольше градусов. А может, я сплю?

– Вы не спите, Олег. Вы хорошо помните, что с вами произошло перед тем, как вы попали сюда?

– Ну да, – ответил я неуверенно.

– Смотрите. Я напомню, – она взмахнула рукой, стена напротив нас замерцала и растворилась.

Мы оказались на знакомой зимней улице. На переходе возле светофора как вкопанная стояла синяя туша автобуса номер девять, под передними колесами на спине, раскинув руки, лежал и не подавал признаков жизни мужчина в черной зимней куртке-парке, в синих джинсах и коричневых замшевых ботинках, одет он был точно так же, как я сейчас. Лица у мужчины не было, видно, оно все перепачкано в крови, рядом с головой растеклось небольшой лужицей серое мозговое вещество, вокруг собирались зеваки, тут же метался, непрерывно матерясь, не зная, что ему предпринять, водитель автобуса с белым как мел лицом.

Во рту стало сухо, на лбу проступила испарина.

– Кто это? – спросил я, указывая на лежащего на асфальте мужчину, хотя уже догадывался, какой будет ответ.

– Это вы, – бесстрастно произнесла Гелла.

– Не-е-ет, – замотал я головой. – Не может быть.

– Смотрите.

Она опять взмахнула рукой, и, как в ускоренной съемке, в обратном порядке пошла картинка: лужица с мозговой жидкостью затекает обратно в голову, пострадавший резко поднимается с асфальта, его голова тут же соприкасается с кузовом автобуса, кровь стирается с лица, голова уходит назад, автобус и он разбегаются задом в разные стороны. Мужчина спиной заскакивает одной ногой на тротуар, тут Гелла опять взмахивает рукой. Стоп-кадр, крутит пальцем в воздухе по часовой стрелке, приближая насколько можно лицо мужчи-

ны. Худощавый, аккуратная стрижка, темные, чуть выющееся волосы зачесаны на косой пробор, легкая небритость, задумчивый, отрешенный взгляд, наушники в ушах, прямой нос, пухлые, с ярко-очерченным контуром губы – это лицо вижу каждый день в зеркале, так что да, без сомнения этот мужчина Олег Сапелов, то есть я.

– Убедились?

Я опять мотнул головой.

Она крутанула рукой, изображение пошло обратно.

Мой испуганный взгляд. Широко открытый в немом крике рот шофера, его перекошенное лицо и руки, крепко сжимавшие баранку в тщетной попытке остановить автобус, визг тормозов, глухой удар, я, залитый кровью, отлетая, падаю на асфальт, вдобавок шмякаясь затылком, от этого голова с противным треском разбивается, оттуда вытекают мозги вперемешку с кровью. С последним вздохом раскидываю руки и замираю. Я лежу недвижимый, а автобус по инерции продолжает двигаться, ему не хватает всего несколько сантиметров, чтобы наехать на мое бездыханное тело, он наконец покачиваясь останавливается.

Опять стоп-кадр.

– Это вы, Олег. И вы мертвы.

Ее глубокий голос, без каких-либо эмоциональных оттенков, звучит как приговор в последней инстанции, не подлежащий обжалованию. Мне стало совсем хреново.

– Но как же такое возможно? Вот я тут сижу рядом с вами,

дышу, чувствую, вижу, осязаю и все такое и одновременно там лежу мертвый. Такого не бывает, – пытался я зацепиться за здравый смысл, как утопающий цепляется за соломинку. – Гелла, кто вы? А? Где я?

Тут мне пришла еще одна спасительная мысль, которая, как мне казалось, должна все объяснить: я ощупал голову, ничего такого, чтобы напоминало страшную травму.

– Вы, сумели как-то меня вылечить? Это какая-то сверхсекретная клиника? Новый метод? Эксперимент?

Гелла просто отрицательно покачала головой, казалось, ее забавляли мои попытки дать свое объяснение необъяснимому.

– Ну не молчите! – закричал я не в силах больше сдерживаться.

Гелла вздохнула.

– Все одновременно очень просто и очень сложно... – начала она неспешно.

У меня нога задергалась в нервном тике. Мне захотелось подойти к ней, резко взять ее за плечи и трясти изо всех сил, как плодовое дерево, чтобы наконец с нее посыпались, как спелые плоды осенью, так ожидаемые мною слова объяснения, и я наконец понял бы, где я и что вообще происходит. Здесь она указала на меня, лежащего под автобусом.

– Вы в далеком для нас прошлом, так должен закончиться ваш жизненный цикл, такое развитие событий было запрограммировано самой природой. Таково стечение обсто-

ательств и такова неизбежность. Но в самый последней момент мы решили изменить неизбежность и вытащили вас в будущее.

– Я дико извиняюсь, – перебил я ее. – Но до меня что-то хреноваستنенько доходит, если я вас правильно понимаю, Гелла, то я якобы в будущем?

Она слегка кивнула.

– Тогда опять прошу прощения, еще один вопрос: кто там лежит?

– Вы.

Я раздраженно хмыкнул.

– Ну и как это возможно?

– Это очень сложно объяснить, Олег, ведь вы не обладаете достаточными знаниями, чтобы все уяснить. Но я попробую по упрощенной схеме и доступной для вашего понимания.

– Уж будьте любезны, разъясните, буду вам несказанно благодарен, – я отчаянно пытался оставаться вежливым, хотя, что там греха таить, давалось мне это с трудом. Я ничего не понимал, а от этого еще больше злился и закипал как суп в кастрюле на плите.

Она еще раз задумалась.

– Ну давайте так, – Гелла поправила рукой косу – первый чисто женский жест. – Представьте себе, вы посетили старинный кинотеатр, специально обученный человек, называли его тогда механиком, если я правильно помню, вставлял пленку, на которой запечатлен фильм, в проектор. Кадр

за кадром двигалась пленка, и зрители могли наслаждаться действием на экране, случалось, что пленка рвалась во время показа, тогда механик останавливал проектор, отрезал кусочек – отдельный испорченный кадр, потом склеивал пленку и запускал фильм снова. И, несмотря на отсутствие одного кадра, общее содержание картины не искажалось, суть оставалась понятна, и маленькая неприятность, которая случилась с пленкой, никак не влияла на общий сюжет картины. Вы ведь, Олег, наверняка задумывались, почему один и тот же человек в разное время своего жизненного цикла так сильно отличается не только внешне, но по мере продвижения вперед меняется и его мировоззрение, и часто ему кажется, что какой-нибудь случай, произошедший с ним когда-то давно, был вовсе не с ним и вообще в другой жизни.

Я согласно мотнул головой.

– Да, у меня такое тоже было.

– Время циклично и как таковое очень напоминает кинопленку, – продолжила Гелла. – Каждый отрезок времени – это словно кадр из фильма, он индивидуален. В вашу эпоху люди думали, что время неразрывно и каждый человек проживает свою жизнь от начала до конца в одном лице, одной, так сказать ипостаси, и ничего тут не поделаешь – это не совсем так. Прошедшее время, как кинопленку в проекторе, можно пустить быстрее или медленнее, вперед или назад, а можно остановить на мгновение и вырезать какой-то нужный кадр. Мы не только научились прокручивать и скле-

ивать эту пленку под названием «время», но нам удалось вычленять отдельные кадры, причем вычленять их так, чтобы прошедшее и будущее не теряли прежней картины, при этом мы заменяем извлеченные кадры на другие – подделанные, слегка подтасовывая их так, как нам это нужно. Ну вот как-то так. Конечно, то, что я вам сейчас изложила, это очень упрощенное объяснение и чрезвычайно вольная трактовка. Но скажите, вы меня поняли? Я смогла хоть немного донести до вашего сознания суть произошедшего с вами?

Я смотрел на нее как баран на новые ворота. Но согласно кивнул. Почему-то не хотелось выглядеть перед этой женщиной полным кретином. Наверное, это заложено в нас самой природой: мы, особи мужского пола, очень боимся выглядеть перед женщинами бледно. Неважно, что зачастую женщины намного умнее нас, все сильнее, выносливее и более адаптированы к суровым жизненным условиям. Мы для себя твердо решили, что это мы обязательно должны быть умнее, сильнее и во всем лучше, чем они, и свято верим в это. Потому что мы мужчины. Боясь не соответствовать, упасть в грязь лицом перед прекрасным полом, готовы из кожи вон лезть. Наверное, именно поэтому мужчины совершают так много ошибок и глупостей в своей жизни – это все от стремления доказать, кто здесь главный, и убедить в этом прежде всего это обманчиво мягкое, милое и, как нам кажется, абсолютно незащитное существо, называемое женщина. Сами женщины, обладая врожденной лукавостью, подаренной им

свыше, обозвали себя слабым полом и милостиво разрешают мужчинам ради них совершать всевозможные глупости, почему-то называемые подвигами, а также всячески заботиться и ухаживать за ними, постоянно поддерживая мужчин в мысли, что им без нас никак не справиться в этой сложной и опасной жизни и им просто необходимо опереться на чье-то сильное мужское плечо. Одновременно про себя, в глубине души, считая нас ослами, что в общем-то соответствует действительности.

– А я-то вам на кой? – задал я мучивший меня вопрос. – Какого, так сказать, рожна вы меня выдернули из прошлого?

Ее серые глаза буквально «разрезали» меня пополам, как нож легко разрезает подтаявшее сливочное масло.

– Вы на нас за это в обиде?

Что такое, мне показалось, или я действительно услышал нотки сарказма в ее голосе.

Теперь я впился в нее взглядом, пытаюсь отыскать хоть толику эмоций, присущих человеку, нет, наверное, мне показалось – абсолютно бесстрастное лицо, как у каменной статуи.

– Что вы, – ответил я. – Как можно. Вы наверняка сделали все правильно, уверяю вас. Вот я просто без ума от счастья и все такое, только что не прыгаю от радости. Мне попрыгать?

– Не стоит.

– Хорошо не буду, но, если надо, я готов.

– Я поняла.

– Вот только, что-то мне, Гелла, подсказывает, что сделали вы это не из чувства гуманизма, а по какой-то другой причине.

– Что ж, верно, ваше чувство вас не обманывает.

– Ну тогда, может, мы перейдем к сути? Опять тот же взгляд.

– Хорошо. Давайте к сути. С одним из наших товарищей произошла беда. Во время путешествия по галактике у него на звездолете произошла поломка, ему пришлось совершить вынужденную, но неудачную посадку на одной из планет в созвездии Лебеда. Нам не известно, как точно это случилось, но, к сожалению, он погиб. Та планета, куда он приземлился, оказалась населена разумными человекоподобными существами, очень похожими на людей. Сходство почти сто процентное, только небольшие физиологические различия.

Их цивилизация на данный момент находится на достаточно высоком уровне развития, если исходить из стадии развития Земли, то, примерно, двадцать первый век, откуда собственно и вы. Так же, как и на Земле в двадцать первом веке, их планета поделена на отдельные государства и раздираема противоречиями, люди, живущие на ней, еще не разумны в достаточной мере, но крайне воинственны и агрессивны. Самое скверное, что им попали в руки не только обломки звездолета, но и личные вещи пилота, а там много такого, о чем им еще очень рано знать, потому что когда их ученые досконально изучат находки, поскольку их общество

технологично, то смогут кое в чем разобраться. Правда, это понимание будет крайне поверхностным.

Они не поймут до конца, для чего на самом деле созданы те или иные вещи – им просто не хватит знаний на это, зато, к сожалению, им хватит знаний, чтобы их задействовать и запросто обратить находки, которые им не принадлежат и которые не ими изобретены, не только во вред друг другу, но им еще удастся по незнанию и по глупости устроить такое, от чего содрогнется галактика, а мы не можем этого допустить никоим образом.

– Я понял. Это как обезьяна, которая нашла гранату: она вертит находку в руках, не понимая, что ей досталось на самом деле, рано или поздно она выдернет чеку и выбросит свою находку, но проблема в том, что ты не знаешь, в какую сторону она ее бросит.

– Любопытное сравнение, – мне показалось, Гелла посмотрела на меня с интересом, а может, мне это только показалось. – Но да, Олег, пожалуй, оно очень подходит к создавшейся ситуации.

– Ну так в чем проблема? Вы же всемогущи, даже временно можете повелевать. Вытащите с помощью своей машины времени этого пилота и его звездолет перед тем, как он разобьется.

Гелла покачала головой.

– Видите ли, в каждом уголке Вселенной время идет по-разному и подчиняется абсолютно разным законам, но даже

не в этом проблема. Сама, как вы выразились, машина времени невероятно огромна, с чем бы сравнить, чтобы вы поняли, что это такое, и представляли масштаб. – Она задумчиво провела ладонью по лбу, после чего щелкнула пальцами. – В ваше время был Большой адронный коллайдер. Слышали о таком?

– Конечно, – я кивнул головой. – Ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, построенный в виде кольца и предназначенный для разгона протонов и тяжелых ионов. Когда коллайдер построили, была жуткая шумиха с его запуском, предрекали неминуемый конец всему человечеству. Массмедиа как с цепи сорвались.

– Вы случайно не помните, какова длинна этого кольца? – прервала меня Гелла.

– Почему не помню. Помню. Меня интересовала эта хреновина, двадцать шесть тысяч шестьсот пятьдесят девять метров, если мне не изменяет память.

– Верно. Так вот наша установка очень напоминает тот коллайдер, но по размерам даже превосходит его, плюс она стационарна и переправить ее в другую точку галактики не представляется возможным по техническим причинам.

– Ну и зачем понадобилась моя скромная персона?

– Нам нужна ваша помощь.

– Что-о-о?! – я не верил своим ушам. – Помощь? Я правильно вас понял, по-мо-щь? – последнее слово я произнес медленно, по слогам. – От меня?

Гелла кивнула.

– Ну и чем же я могу вам помочь, вы всемогущи, все умеете, все можете. Даже остановить время и вытащить перед самой смертью из прошлого человека, как я выяснил. К тому же всюду покоряете дальний космос, возьмите и пошлите на ту планету, где погиб ваш пилот, спецназ или там еще кого-нибудь.

– Вот, – сказала она и уставилась на меня не моргая, заставив заерзать.

– Что вот?

– Мы и хотим послать спецназ.

– А при чем здесь я? Какое я к этому имею отношение?

– Мы хотим, чтобы вы возглавили этот спецназ, собранный из группы, таких же как вы, вычленивших из прошлого перед неизбежным людей.

Теперь я недоверчиво уставился на нее, пожирая глазами. Шутит она, что ли?

– Я чего-то не понял, это что, шутка какая-то, сатира, современный юмор и все такое? Ну что же, свежо, очень живо-трепещуще, смешно! Я бы даже сказал, уморительно смешно. Развеселили от души, ничего не скажешь. Ради этого, конечно, стоило меня из-под бампера автобуса в последний момент выдернуть.

– Это никакая не шутка, Олег. – Серые глаза Геллы смотрели на меня серьезно.

– Но, Гелла, посудите сами, это же курам на смех, – я

попытался хохотнуть. Получилось не очень. Втайне ожидая, что Гелла присоединиться ко мне и мы от души посмеемся над этой глупостью. Но нет, поддержки от Геллы я не получил. Мой смешок повис в воздухе. Она продолжала бесстрастно смотреть на меня. Интересно, она когда-нибудь улыбается? Я же, как мог, продолжал аргументировать полную абсурдность, на мой взгляд, сделанного ими выбора.

– Да даже одного мимолетного, ничем, так сказать, невооруженного взгляда, брошенного на меня, достаточно, чтобы узреть, что я ни хрена не Рэмбо и никакой не крутой Уолкер. Если вы вытащили меня из прошлого, то наверняка предварительно наблюдали за мной и уж тем более собрали обо мне кое-какую инфу, поэтому должны знать, что я не воевал, плохих парней из автомата с рассвета до заката не косил по-чем зря, гранатки в прохожих тоже не кидал, если честно, то даже толком никогда в своей жизни не дрался. Я ничего не умею и не смыслю в военном деле, какой из меня, к чертовой бабушке, спецназовец, а уж тем более командир спецназа?

Гелла вздохнула.

– У нас при нашей, как вы выражаетесь, машине времени есть искусственный интеллект, такой своего рода сверхмощный мозг, процессор. Мы называем его Отец. Ему была поставлена четкая задача, он для выполнения этой задачи по определенным параметрам и критериям подобрал кандидатов из прошлого. Сюда входит полный набор, прежде всего личностные, моральные качества, характерные особенно-

сти, отличающие каждого кандидата. Кроме того, Отец моделировал и прогнозировал на основе своих знаний всевозможные ситуации, например, как тот или иной человек поведет себя в экстремальной обстановке, когда будет стоять перед выбором, чем он готов поступиться, пожертвовать ради выполнения возложенной на него миссии, ну и прочее, там много всего, целый комплекс составляющих. Отец учел почти все мелочи и подобрал кандидатов так, чтобы они максимально подходили для выполнения возложенной на них миссии. Ваша, Олег, кандидатура была не только названа Отцом самой первой, но и настоятельно им рекомендована на должность командира и ответственного за проведение акции и логическое ее завершение.

– Наверняка ваша машина-мозг, Отец или как там его по батюшке, ошиблась, шарики за ролики заскочили в какой-то момент, а может, какая микросхемка подплавилась, она-то наверняка китайского производства, или там еще чего произошло: компьютеры – это так сложно. И потом вы ведь сказали: «Отец учел почти всё», значит, он тоже не безгрешен, получается, может ошибаться.

– Погрешность его ошибок несущественна, – сухо ответила Гелла.

– Хорошо, тогда почему этот так называемый Отец не выбрал настоящих военных, солдат, которые имели богатый боевой опыт? В достойных кандидатах недостатка не было бы, столько хороших ребят полегло на полях Второй мировой и

во всевозможных горячих точках. Так что ваш Отец, ну точняк, ошибся.

Гелла опять отрицательно покачала головой.

– Отец никогда не ошибается. Профессиональный военный, конечно, это хорошо, его практически не надо ничему учить, в ратном деле натаскивать, только нужна небольшая переподготовка, он обладает всеми нужными навыками, выработанными им на поле боя, но здесь-то вскрываются и его слабые стороны, потому как если человек достаточно повоевал и имел богатый боевой опыт, то в экстремальных ситуациях зачастую будет действовать шаблонно, его рефлексy отработаны до автоматизма и срабатывают помимо его воли и сознания, то есть, если выразаться более тривиально, чтобы было понятно, получается так – он вначале стреляет, потом думает. Еще один минус профессионального военного, поскольку он уже побывал в самом пекле, чувство самосохранения у него сильно развито. И бывает, наступает такой ответственный переломный момент в процессе операции, что ему не хватает именно морально-этических качеств или просто элементарного сочувствия.

Так что, во-первых, не каждый военный нам подходит. Во-вторых, я повторяю еще раз, у каждого подобранного Отцом кандидата должен быть целый комплекс всего того, что требуется, и эти требования сугубо специфичны и строго индивидуальны. Что касается физподготовки, владения всевозможными видами оружия, элементами рукопашного боя,

знания языка аборигенов, особенностей их жизнедеятельности, обычаев, привычек и много другого, что может понадобиться вам в дальнейшем, можете не беспокоиться: во время сна вы будете подключены к системам Отца. Вам в ваш организм и разум через подсознание будут вводиться все знания, которые необходимы, плюс организуют развитие мышечной мускулатуры и нужных рефлексов. Так что через не очень продолжительный отрезок времени, я вам обещаю, вы по физической кондиции и уровню военной подготовки будете не очень сильно отличаться от так называемых и горячо любимых вами Рэмбо и крутого Уолкера. – Уголки ее губ едва, чуть заметно шевельнулись.

Вот это открытие, каменная дева все-таки умеет улыбаться! Надо же, кое-какие эмоции у нее присутствуют. Я человек настырный, подспудно понимая, что выполнение возложенного на меня задания ни фи́га не будет легкой увеселительной прогулкой, продолжал упираться.

– Ну а почему вы не полетите? Ну не в смысле вы лично, ваши товарищи, например. Вы ведь находитесь на более высокой ступени развития, чем мы, да и знаний у вас там всяких до хренища, а чего не знаете батюшка ваш подскажет. Так что вам это будет сделать намного проще и справитесь вы лучше.

– Не батюшка, а Отец, – поправила она меня. Гелла опять вздохнула. – Я бы очень хотела, чтобы вы меня правильно поняли. Видите ли, Олег, наша цивилизация очень сильно

отличается от той, где жили вы и к чему так привыкли в своем двадцать первом веке. На данный момент мы решили очень много проблем, мы технически неплохо развиты, победили все болезни, свирепствовавшие когда-то на Земле и уносящие жизни людей. Теперь наш жизненный цикл непрерывен, то есть мы бессмертны, наши организмы не стареют и не дряхлеют, уничтожить нас можно только насильственным, физическим путем.

Мы живем друг для друга и во благо всего нашего общества в целом, жизнь каждого индивидуума бесценна так же, как и существование самого сообщества в целом, каждый имеет персональную ответственность перед обществом, а само общество, соответственно, перед индивидуумом. Это правило поставлено во главу угла. Приоритеты сообщества таковы, что наши жизни бесценны, а наш жизненный цикл никоим образом не имеет права прекращаться, поэтому гибель даже одного из нас – это трагедия вселенского масштаба, и она ничем невосполнима.

Мы просто не имеем ни морального, никакого другого права перед обществом рисковать своей жизнью, как, впрочем, не имеем права забирать чужую жизнь, чья бы она ни была. Пусть даже он кровожадный тиран или конченный подлец. Поэтому мы обращаемся за помощью к людям прошедших эпох, людям, у которых жизненный цикл уже подошел к концу и которым в общем-то терять нечего, а мы им даем еще один шанс на продление своего цикла. В данный момент

просим помощи персонально у вас, Олег.

«Ясно, – подумал я, – вы, Гелла, здесь в будущем неплохо устроились, все такие чистенькие-пречистенькие, со всякими принципами. Бойтесь ненароком запачкаться, и для этого вам нужны такие, как я. Это как состоятельные люди, не желая копаться в дерьме и глотать пыль, нанимают прислугу, чтобы обратиться в доме. А что, очень удобно. Что касается меня, то, действительно, куда я денусь?»

– Хорошо, а если я откажусь?

Гелла тяжело посмотрела на меня.

– Тогда, Олег, к нашему глубочайшему сожалению, вас придется вернуть туда, откуда вы были изъяты.

– То есть под колеса автобуса, я правильно вас понял?

Гелла утвердительно слегка кивнула головой.

– А как же тогда ваши железобетонные принципы: ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не отнимать жизнь живого существа?

– Вы забываете, Олег, что на момент вашего изъятия из прошлого вы формально были уже мертвы. Так что фактически мы не отнимаем у вас жизнь, потому что нельзя отнять то, чего нет. Мы просто возвращаем кадр киноплёнки на место, в проектор.

– Класс! То есть, я так понимаю, выбора у меня нет, или это сильно смахивает на шантаж. Вам не кажется?

Гелла пожала плечами.

– Хорошо, предположим, я согласен, а что я получу вза-

мен?

– Разве продления жизненного цикла вам мало? Это ли не самый щедрый дар?

– Без сомнения, но я хотел бы вытащить из прошлого перед автокатастрофой своих родителей.

Гелла отрицательно покачала головой.

– Это невозможно.

– Что значит невозможно? Вы же сказали, что можно вытащить любого.

– Поймите, Олег, мы просто не можем бесконечно выдергивать из прошлого людей, потому как другие кандидаты тоже потребуют вытащить своих ближайших родственников: родителей, бабушек, дедушек, дядей, тетей и так далее. Мы не можем создавать здесь у нас анклав из давно умерших людей. Смиритесь. Жизнь – это жизнь, и ее не меняют по своему усмотрению. Всех спасти невозможно. Вы уникальны в своем роде, вам повезло, вы вытащили выигрышный лотерейный билет. Вы меня понимаете?

– Понял я. Катафалк не резиновый. Хорошо, а после выполнения этого задания вы как поступите со мной? Как с книгой, которую человек взял с полки, полистал ее, а потом, потеряв к ней интерес, поставил назад на полку, то есть, поскольку я стану уже не нужным, вы отправите меня назад в прошлое прямоком под колеса автобуса номер девять, так? – с саркастической горечью поинтересовался я.

Похоже, она не заметила сарказма в моем голосе или пред-

почла не замечать.

– Нет, Олег, не так, что бы вы о нас ни думали. Уверю вас, мы не бессердечные сволочи, как вам могло показаться на первый взгляд. Мы действительно остро нуждаемся в вашей помощи. И потом, ваш отряд создается не на одну акцию. Выполните это задание, последует другое. Во Вселенной бесчисленное количество обитаемых планет, и на многих из них что-то нужно будет сделать, где-то что-то поменять, подправить, чтобы прогресс не останавливался, двигался вперед, а разумные существа, населяющие тот или иной мир, наконец действительно становились разумными, в полном понимании этого слова. Работа для вашей группы будет всегда, вы будете востребованы все время.

– Ну да, убираться в доме надо каждый день, – пробурчал я себе под нос.

– Я не расслышала. Что вы сказали?

– Да нет, это я так, информация к размышлению. Вы, Гелла, говорили о других кандидатах. Ну и где же эти счастливичики?

– Отец вместе с вами отобрал в прошлом двадцать человек, но отряд может состоять только из восьми, так что вам на свое усмотрение, прислушиваясь к внутреннему голосу и руководствуясь личными пристрастиями, придется самому выбрать еще семь кандидатур: четырех женщин и троих мужчин, вас должно быть поровну – это обязательное условие. Я понимаю, Олег, насколько это нелегко и какой груз

ответственности ложится на ваши плечи – кого-то вытащить, спасти в последний момент, дать человеку еще один шанс, а одиннадцать человек отсеять, оставить в лапах смерти.

Это действительно очень трудное решение, и я отчетливо осознаю, с каким трудом оно будет даваться. Вам не позавидуешь. Но тут ничего не поделаешь, вы командир группы, вам и в будущем предстоит очень часто делать выбор и отвечать не только за себя, но и за всех членов команды. Поэтому, кроме вас, этот горький селекционный отбор никто другой не сделает. Чтобы вам было комфортнее работать и чувствовать себя, мы в соседнем помещении воссоздали точную копию вашей квартиры. Пройдемте, – она встала. Высокая, статная, прямая.

Я еще раз поразился совершенству ее фигуры.

– Перебираться из одного помещения в другое довольно просто, – начала объяснять Гелла. – Стоит только подумать, куда вы хотите попасть, прикоснуться рукой к стене – и вы там, где вам нужно, причем независимо, к какой из стен вы прикоснетесь, все равно попадете туда, куда вам нужно. Попробуйте сами.

Я подошел к стене, приложил ладонь к ней. На ощупь твердая, чуть теплая, гладкая, слегка вибрирует. Ну что, сезам, откройся. «Хочу в свою квартирку», – мысленно скороговоркой проговорил я. Стена в том месте, где коснулся ладонью, рассыпалась, как будто сделана была из песка, и разошлась, образовав неширокий проход. Сделав шаг вперед, не

поверил своим глазам. Я очутился в своей уютной квартире. Любимый диванчик, телек, кухня. Все на месте. Даже моя любимая большущая кружка со смешным мультяшным слоненком, застенчиво поедающим пирожное, давным-давно подаренная родителями, из которой я каждый вечер, обжигаясь, хлебаю чай, и та на своем законном месте – на століке между компьютером и настольной лампой. Только вот шторы задернуты, ну не беда, это мы сейчас, это мы мигом. Я подбежал к окну, дернул занавеску, а там... глухая стена. Черт, что это? Я повернулся и вопросительно посмотрел на Геллу.

– Мы не хотели, чтобы вас хоть что-то отвлекало от работы.

– Хорошо, а как мне выйти наружу? Точно также, прикоснувшись к стене? – поинтересовался я.

– Вы не можете выйти наружу. Вам туда пока нельзя.

– Супер, просто супер. Столько лет прошло, а ничего не изменилось, даже в будущем.

– О чем это вы, Олег?

– О том, что подопытных крыс всегда держали в клетках.

– Вы все не так понимаете, – вздохнула Гелла, покачивая головой. – Во-первых, у вас карантин, а во-вторых, ваш мозг еще не готов увидеть то, что снаружи.

– Значит, – взорвался я, – для того чтобы лететь хрен знает куда, на кудыкину гору, к чертовой бабушке в гости, рисковать своей и чужими жизнями, мой мозг подготовлен ос-

новательно, а выйти подышать свежим воздухом мой плебейский мозг еще не готов?

– Вы зря кипятитесь, – перебила она меня. – Вы и лететь-то еще не готовы, у вас пока нет нужных знаний, вы их еще не получили, и экипаж, с которым вы должны лететь, тоже пока отсутствует. Поправьте меня, если я не права.

Ее спокойный, вразумительный голос и абсолютно холодная невозмутимость меня слегка отрезвили и сбили пену, понизив градус моего кипения. Казалось, Геллу ничем не пронять и невозможно вывести из равновесия. «Мне бы так», – завистливо подумал я. Почему-то захотелось соответствовать. Шумно выдохнул воздух из грудной клетки, после чего собрался и как можно спокойней, показав, что тоже умею быть хладнокровным, как английский лорд или как питон, что в общем-то без разницы, спросил:

– Ладно, расскажите мне, пожалуйста, как выбирать кандидатов и вытаскивать их из прошлого?

– Здесь ничего сложного. Мы упростили выполнение этой задачи до минимума, чтобы вам было просто, понятно и удобно. Ваш персональный компьютер адаптирован под выполнение этой работы, – стала объяснять Гелла, включив комп. Экран загорелся необычно ярко и ударил по глазам. – Вот взгляните на монитор, здесь у вас девятнадцать иконок, за каждой иконкой находится кандидат, он снят в свои последние минуты жизни. Выбирая иконку, вы можете просматривать каждую кандидатуру в отдельности, при помо-

щи обычной «мышки» вы имеете возможность прокручивать изображения вперед-назад. Дальше вы нажимаете вот сюда, и изображение идет покадрово, последний кадр перед смертью человека выделен и находится в красной рамке, он означает тот крайний момент, когда человека можно вытащить из прошлого.

Если вы наконец сделали окончательный выбор и вас всецело устраивает кандидат, вы нажимаете на этот последний красный кадр. Все, дело сделано. Дальше вы его встречаете в комнате, из которой мы только что вышли. Внятно, толково и насколько можно в доступной форме объясняете ему, как он сюда попал и для чего он находится здесь. Короче, делаете все то, что только что мы сделали с вами. Я разъяснила достаточно удобопонятно для вас? Вы все поняли, Олег? Второй раз объяснять не надо?

– Нет, не нужно вроде. Все понятно.

– Тогда откуда такая неуверенность в голосе? Что вас гложет?

Я в задумчивости пожевал губами.

– Скажите, Гелла, а если человек, выбранный мною, по каким-то мне неизвестным причинам откажется, мне что, его отправлять обратно?

Гелла, как ледяным дождем, окатила меня взглядом своих холодных серых глаз, потом долго и очень въедливо смотрела на меня.

– Вы, Олег, должны наконец уяснить, что с этого момен-

та вы – командир группы, выполняющей особую, суперважную миссию. На вас ложится гигантская ответственность, от ваших личных действий и решений будет слишком многое зависеть в будущем. Поэтому вы обязаны сделать так, чтобы команда, которой вы руководите, стала единым организмом, а вашей воле беспрекословно подчинялся каждый член группы, иначе будет поставлено под удар выполнение всей миссии, а это неприемлемо. Поэтому уж будьте так добры, объяснить выбранному вами человеку, насколько он важен и нужен, и найти такие слова, чтобы он обязательно согласился, – жестко закончила она.

– Я, кажется, понял, Гелла, вы и не собирались отправлять меня обратно под колеса автобуса, а просто взяли, так сказать, на понт. Правильно?

Каменная дева ничего не ответила, но в первый раз за все наше общение широко, открыто, белозубо, чисто по-человечески улыбнулась.

– Сколько мне дается времени на подбор кандидатов?

– Максимум пять дней, Олег, включая и сегодняшней.

– Где они будут жить перед отправкой?

– Так же как у вас, у каждого из них будет свое отдельное помещение, в точности, до мельчайших подробностей воссозданное из их памяти, где им будет удобно и комфортно находиться. Я понимаю, Олег, что сейчас вам надо собраться с мыслями, прийти в себя. Поэтому оставляю вас наедине с самим собой.

– Подождите, Гелла. Когда вы мне понадобится, вдруг будет необходима ваша помощь или совет, как мне вас позвать?

– Очень просто: подумайте обо мне.

В голове стадом диких антилоп проскакали противные мыслишки, от которых стало нехорошо. Спрятаться негде, даже то, о чем мельком подумаю, сканируют и тут же прочтут. Я, как подопытная крыса, под неусыпным наблюдением.

– Нет. Нет, Олег, не пугайтесь, я не собираюсь контролировать вас, постоянно читая ваши мысли. Мне, да никому другому это не надо. Ваша голова с вашими мыслями – это ваше личное пространство, ваша приватная территория. Никто в нее вторгаться не будет – это я вам твердо обещаю, но, когда понадобится, я ваш призыв почувствую, услышу и приду.

– Понятно, – успокоился я. – А то знаете, как-то неприятно осознавать, что тебя кто-то подслушивает. От этого становится не по себе. Ощущения как у голого на людной улице.

– Я все понимаю.

Она опять улыбнулась. Какая у нее приятная улыбка. Почему она так редко улыбается? Ей так подходит.

– Отдыхайте, но, пожалуйста, не забывайте о сроках. Все. До свидания.

Стена распахнулась, и Гелла исчезла в проходе, оставив

меня одного. Я окинул взором свою и не свою квартиру, из которой вышел сегодня, а может, вчера или, если быть уж совсем точным и сказать правильно, то вообще Бог знает сколько столетий тому назад. Столько всего навалилось на мою бедную голову, вначале собственная смерть под долбаным автобусом. Откуда он вообще, сволочь этакая, взялся? Дальше я, неожиданно для себя, стал командиром какого-то спецназа, странником во времени, а в скором времени и путешественником в космосе. Хрень какая-то, а может, все-таки мне это снится? Еще раз внимательно оглядел квартиру. Кроме окон, все на месте. Почему-то в голову пришла цитата из известного фильма, которую тут же перефразировал: «Сегодня утром я вышел из точно такой же, но другой...»

Голова распухла и гудела от мыслей, которые рассерженным пчелиным ульем, не затихая ни на секунду, роились в ней. Гелла права, надо собраться с мыслями и привести их в порядок, аккуратненько разложив все по полочкам.

Так, сейчас мне срочно надо выпить и лучше чего-нибудь покрепче, поэтому для просветления в мозгу нужна жидкость, имеющая не менее сорока оборотов и неплохо горящая, это должно помочь, во всяком случае так говорят знающие люди – Генка с Маринкой, мои соседи по лестничной клетке, матерые алконавты со стажем, и у меня нет причины не доверять их многолетнему опыту. Я ринулся к холодильнику, в котором, как я очень хорошо помнил, отстаивалась, дожидаясь своего срока, я бы даже сказал, часа икс, початая

бутылочка «Столичной», встреча и близкое общение с которой мне в данный момент явно не помешают. Срок настал, час икс пробил.

Рывком открыл дверцу холодильника, который по праву считается одним из самых полезных изобретений человечества. На меня пахнуло холодом и, уверен, знакомым многим не понаслышке слегка специфическим запахом, его источали немного залежалые продукты, которые не только по своему внешнему виду, но также и по содержанию уже подошли к той критической отметке, которая считается для них точкой невозврата и называется сроком хранения, по окончании которого они могут с легким сердцем и твердой рукой быть отправлены в мусорное ведро. Глаза быстренько пробежались по ярко подсвеченным полупустым белоснежным полкам.

Когда-то нежная слабокопченая ветчина, потеряв свою врожденную привлекательность, стремилась стыдливо спрятаться от глаз подальше, кутаясь в пищевой пленке, высохший, скрюченный и покрытый легоньким, едва заметным слоем плесени светло-желтый кусочек сыра, пытающийся, видимо, косить под дорогуший королевско-буржуйский «Рокфор», одиноко стоящий, измученный помидор, рядок яиц, предназначенных для ежедневного холостяцкого завтрака. Нет, это все не то. Вот здесь, между бутылочкой кефира и полупустой пластиковой баночкой моего любимого кетчупа «Сацебели». Обь твою муть!!! Не понял. Это что за

хрень, я точно помню, «Столичная» была тут. Сейчас здесь пусто. Я в надежде еще раз пробежал глазами по холодильнику, а вдруг горькая случайно переместилась на какую-то другую полку. Бывает же такое. Но нет, огненная вода отсутствовала напрочь. Как будто ее никогда там и не было.

– Скоммуниздили, – устало констатировал я сей отвратительный факт. Тоже мне светлое будущее, как не совестно, ничего святого. Скорей всего, в этой неприглядной истории виноваты сексуальные меньшинства, во всяком случае мой друг Сашка всегда во всех невзгодах и бедах винил их. Если что где случится, он дергал меня за рукав, закатывая глаза к небу, видимо, призывая в свидетели высшие силы, и орал дурным голосом:

– Ты смотри, Олежек, чего наделали! Вот же пидоры!!!

Конечно, вполне возможно, пришло мне в голову более разумное объяснение, что в далеком будущем не приветствуется прием вовнутрь сильно, а возможно, даже и слабоалкогольных напитков с целью, так сказать, дальнейшего помутнения разума. Но я так подразумеваю, скорей всего, производная алкоголя, его формула, настолько сложна для воспроизводства в будущем, что местным умельцам просто не удалось его воссоздать. Из прошлого человека выдернуть, слепить по памяти его жилище или там в космос слетать туда-сюда – это пожалуйста, а вот старый добрый крепкий напиток, греющей не только тело, но и душу, «водовку» – это никак, очень тяжело, задача не только нелегкая, а просто

неподъемная получается, не каждой машине в будущем, даже такой мощной, как прототип усовершенствованного адронного коллайдера, это под силу. Миссия невыполнима. Ну во всяком случае хотелось бы думать именно так, а не то, что это была банальная кража со взломом из моего холодильника, устроенная неизвестно как просочившимися ко мне в квартиру лицами с нетрадиционной сексуальной ориентацией, – рассудил я.

Делать нечего. Пришлось довольствоваться стаканом кефира, говорят, в нем тоже присутствуют какие-то градусы – подлю врут, нету там ни хрена. Ожидаемого пьяного отупения и эффекта забывчивости, отторжения, ухода от состояния обыденного, бренного в прекрасное, красочное «никуда», когда самые сложные вопросы и задачи решаются под рюмочку, в пьяном угаре легко, на раз-два, как орешки шелкаются, так и не получилось. Пуститься в пляс от опрокинутого в желудок обезжиренного стакана кефира или хотя бы спеть уже ставшую народной песенку про самолет, под крыльями которого раскинулась бескрайним морем тайга, как-то тоже не захотелось. Крайне прискорбно. Придется все решать на трезвую голову. Как бы там ни было, после выпитого жиденького кефира почему-то жутко захотелось есть, это наверняка на нервной почве, от стресса. Я, мысленно напрягаясь, начал фантазировать на тему, какие шедевры кулинарного искусства можно приготовить из тех ингредиентов, что у меня имеются, и, понимая, что даже шеф-повар, имеющий

в своем активе несколько мишленовских звезд, вряд ли бы тут справился, со вздохом вновь открыл дверцу холодильника и остолбенел.

Шок был настолько силен, что я некоторое время просто хлопал широко открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, не в состоянии вымолвить хоть что-то членораздельное. Как правило, когда люди сильно удивлены и не способны контролировать эмоции, они что-нибудь, помимо своей воли, изрекают типа: «Ешь твою медь», или там еще что покрепче в этом же духе. Например, поминают чью-то матушку всуе. Дело в том, что обычно мой холодильник, родненький, являл собой образец спартанского образа жизни, во всяком случае, я его так позиционировал, хотя у моего закадычного друга Сашки существовало совершенно другое мнение. Когда он иногда, между партиями в шахматы, пытаюсь заглушить голод своего молодого организма и в поисках перекусить чего-то съестного открывал мой холодильник, то очень долго и с неподдельной тоской всматривался в его глубины, силясь там хоть что-то разглядеть, кроме потерявшего былую свежесть сыра и ветчины. После продолжительных поисков, не найдя никаких иных разносолов, он задумчиво чесал пятерней затылок и печально протяжно резюмировал: «Да-а-а... вот он, поистине образец нищеты. Писи в сиротской хате и то более аппетитно выглядят». На что я неизменно, с чувством собственного достоинства отвечал, что это дело вкуса. Но сейчас воистину случилось настоящее чудо.

Мой холодильник буквально ломился от всевозможных яств, о некоторых из них я знал лишь понаслышке или наблюдал по зомбоящику, когда показывали передачу «В гостях у депутата местного законодательного собрания». Неплохо откормленный слуга народа громогласно и со всей ответственностью, как человек слова, декларировал, что если его переизберут еще на один срок, то сразу же весь его электорат на завтрак, обед и полдник с ужином будет уплетать все то же самое. Правда, справедливости ради, надо заметить, обещал он это уже не в первый раз.

На верхней полке уютно устроились тонко порезанная нежнейшая вяленая ветчина, которую наверняка можно было есть без помощи зубов, «кусать» одними губами, и настоящий сыр с плесенью, не приобретенной им вследствие долгого-предолгого функционирования в моем холодильнике, а с благороднейшей плесенью, дарованной ему при изготовлении, рядом копченые ломтики рыбки, буквально истекающие аппетитнейшим жирком, который сочится по тонкой шкурке морепродукта крохотными маслянистыми капельками, тут же зернистая икорка и многое другое – то, чему, если честно, я, к моему великому стыду, даже названия не знаю.

На средней полочке, гордо выстроившись в ряд, щеголяя шоколадным кремом и взбитыми сливками, стояли различные пирожные, и тут же небольшой горкой разложены творожные сырочки в хрустящей обертке.

Нижние полки были устланы овощами и фруктами, по-

крытыми прохладной росой, которые являли собой образец свежести и природной натуральности, казалось, их вот только что чья-то заботливая рука сняла с грядки или с дерева.

Я с нежностью глядел на них, и создавалось ощущение, что они, расталкивая друг друга локтями, широко улыбаясь, предлагали наперебой: «Съешь меня! Нет, лучше меня!» – и потом все вместе хором: «В нас нет нитратов».

На боковых полках терлись боками бутылочки со свежесожатыми соками, я такие видел в супермаркете, но никогда не покупал, потому что их стоимость там просто «зашкаливала». А тут, пожалуйста, наслаждайся, Олежек. В общем, мой холодильник представлял собой филиал скатерти-самобранки. А какой в нем был запах! Отвал башки. В данный момент я испытывал такой же неопиcуемый восторг, как туземец племени тумба-юмба, первый раз увидевший конкистадоров, принесших ему в дар стеклянные бусы. «Ой-е... ну ни хрена себе метаморфозы, прикольно», – наконец вымолвил я, сглатывая слюну. Интересно, как это они делают и за чей счет этот банкет? Хотя какая на фиг разница, плевать, потом разберемся. Сейчас я буду есть, и пусть весь мир будущего подождет, и все. Я плотоядно облизнул губы, думая с чего начать. Тут встрял мой внутренний голос, выплыл хрен знает из каких глубин сознания и попытался корчить из себя высококультурного «чувака».

– Олег, – говорил он мне, – погоди, соблюдай правила при-

личия, возьми тарелочку, вилку, нож. Аккуратно положи себе немного, сядь за стол и съешь все это культурно и красиво.

– Знаешь что, иди-ка ты в жопу, чего там годить, а культуркой своей можешь подтереться! – огрызнулся я, запуская обе руки в волшебный шкаф, хватая с полок все, до чего мог дотянуться: ветчину, сыр, помидоры, виноград, и поочередно запихивая себе все это в рот.

– Как тебе не стыдно! – воскликнул внутренний голос, закрыл лицо руками и отвернулся.

– Стыдно у кого видно, – парировал я. – И вообще, заткнись и не мешай.

Бо-о-оже!

Какая это была вкуснятина, мне кажется, я такого в жизни никогда не ел. Я глотал, еле успевая пережевывать. Еда была потрясающая. Вкус каждого продукта невообразимо яркий, индивидуальный, а переплетение вкусов давало ни с чем не сравнимое многообразие: сахарно-сладкий мускатный виноград мешался с остро-пряным, солоноватым сыром с вяленой, пахнущей дымком ветчиной, сладостный спелый помидор с тончайшей кожурой при легком соприкосновении с губами просто взрывался как бомба, заполняя рот своей божественной мякотью. Нет, точно, мои вкусовые рецепторы сроду ничего подобного не испытывали и не едали. После того как я заморил червячка, набив свое брюхо все до отказа, теперь уже не спеша подбирал чем запить, придирчиво просматривая по очереди каждую бутылочку с соком. Это что за

густая оранжево-желтая жидкость. Манго? А что, пусть будет манго. Попробуем, как оно на вкус. Сорвав пробку, чокнулся с холодильником.

– Будь здоров! – И в один присест выдул всю бутылку с прохладным, сладковатым, густым, безумно вкусным соком. – Неплохо. Совсем неплохо. А вот сейчас мы заварим кофейку, полакомимся тортиком и только после этого приступим к отбору кандидатов.

Поставив дымящуюся кружку с ароматным кофе и блюдо с довольно-таки мощным куском шоколадного торта на письменный стол возле компьютера, я опустил свою задницу на стул, уставившись на экран монитора. Там, как напоминание о невыполненной работе, обжигающе ярко горя, били по глазам девятнадцать иконок, за каждой из которых стояла человеческая жизнь.

– Нет, – сказал я себе. – В начале кофе с тортиком, без этого никак нельзя, без этого мозги в правильном направлении ни за что не заработают. Только потом дело.

Разумеется, подсознательно сам себе я уже давно признался, что, конечно, кофе со сладким тут ни при чем и что я нарочно тянул резину, обманывая себя, что мне просто необходим кофе. Невероятно сложно вот так сесть за комп и нажатием клавиши сделать выбор: кому-то даровать шанс, а кого-то так и оставить в прошлом, на пороге собственной смерти, там, где он канет в вечность, обратится в прах и через некоторое время даже лоскутка воспоминаний о нем не

останется. Я же не Господь Бог, чтобы вершить их судьбы. Только лишь потому, что где-то там, на уровне подсознания, мне покажется, что один кандидат на членство в группе лучше другого, более достоин, чтобы продолжать жить, а вдруг я совершу ошибку, предоставив возможность не тому человеку, а более достойный умрет. Вот это дилемма, и что самое противное – решать ее все равно придется мне, никуда не денешься.

Безжалостно вспарывая толстый слой шоколадной глазури, покрывающей торт, я отщипнул десертной вилочкой солидный кусище от кондитерского чуда и отправил его себе в рот, на блюде в месте разлома торта остался жирный шоколадный развод от крема. Безусловно, это был шедевр – в меру сладкий, в меру мягкий и в тоже время в меру твердый и одновременно деликатный, пропитанный бисквит с прослойкой кисленького клюквенного варенья, которое привносило особую нотку. Глоток горячего кофе – это «пирец»... Я откинулся назад и даже прикрыл глаза от удовольствия, наслаждаясь послевкусием и параллельно собираясь с духом, как человек, который готовится прыгнуть с тарзанки в глубокое ущелье.

«А может, на завтра все отложить? – промелькнула мысляшка в голове. – Утро вечера, так сказать, мудренее, а сейчас посидеть, расслабиться, «комедь» какую посмотреть, а утром уже отдохнувшим взяться с новыми силами. Но тут опять неизвестно откуда выполз мой, сука, внутренней го-

лос, и был он со мной необычайно строг и жесток.

– А что изменится завтра, Олег? – требуя незамедлительного ответа, вопрошал он. – Легче тебе завтра не будет это сто пунктов, а наоборот, станет еще тяжелее, потому как время чтобы подобрать людей и сделать верный выбор останется еще меньше, так что соберись, тряпка, нечего тянуть волеинку! Немедленно взял себя в руки и приступил. Действуй!

«Ну, пожалуй, ты прав...» – я тяжело вздохнул и подсел поближе к монитору. С чего же или, правильной будет сказать, с кого же начать, и как вообще рассматривать этих самых кандидатов, пока абсолютно мне незнакомых людей, но на которых в скором будущем я должен буду всецело полагаться и доверять им как себе, а они в свою очередь должны будут не только доверять мне, но и безоговорочно подчиняться, беспрекословно выполнять все мои приказы, нравятся им это или нет. При этом, ни на секунду не задумываясь, насколько правильны и обоснованы мои распоряжения и требования, принять меня как командира и человека, который в последующем будет распоряжаться их жизнью, их судьбой.

Мы, пережившие собственную смерть, вырванные из прошлого, как страницы из книги, осколки ушедшей эпохи, у которых остались при себе лишь личные воспоминания, и никогда больше, как бы этого ни хотели, не имеющие возможность вернуться в свою среду, в свою реальность, к своим родным, близким друзьям, потому что там, в прошлом,

нас ждет только смерть и забвение. Мы должны стать единым организмом, как я понял, мы очень сильно отличаемся от людей, живущих в этом будущем, и вряд ли когда-нибудь мы станем с ними равными, и они пустят нас в свой мир. Пропасть между нами по мировоззрению, по менталитету, наконец, по знаниям слишком огромна, это все равно что притащить в двадцать первый век питекантропа из эпохи раннего палеолита и ждать, что он проникнется и начнет вести себя прилично, в соответствии с нормами и устоями современного цивилизованного общества.

Хотел бы я посмотреть на «чувака», который рискнул бы пригласить питекантропа на праздничное застолье по случаю дня рождения своей дражайшей супруги. Очень интересно, как бы повел себя «питек», посмотрев на шикарно накрытые столы, полные разнообразной снеди, на вкусно пахнущих, скорее раздетых, чем одетых с его точки зрения самок, а теперь представьте, если бы этот гость из прошлого еще и винишка хлебнул кувшинчик-другой. Скорее всего, в итоге радушный хозяин, пригласивший столь экзотического гостя, стоял бы, шаркая ножкой, с бледным видом и пытался хоть как-то оправдаться перед своей благоверной, бьющейся в истерике, перед ее оттраханными в хвост и в гриву подругами и их мужьями, находящимися в интенсивной реанимации с проломленными доисторической дубиной черепами, и втирал бы им, что то-типа: «Конечно, наш друг питек немного хамоватый и не совсем как бы культурный, но в общем и в

целом он славный, очень славный парень, поэтому не судите его строго. И вообще, терпимей надо быть, толерантней, что ли». Ну вы меня понимаете. Такое же положение наверняка и с нами. И хотя мы-то себя считаем достаточно цивилизованными, но в глазах людей будущего являемся пещерными людьми, недалеко ушедшими от того самого питекантропа. Поэтому нас здесь с распростертыми объятиями никто принимать не будет. У нас, кроме друг друга, никого больше нет и никогда не будет, так что выбранные мною люди ни в коем случае не должны утомлять и раздражать друг друга, понимать друг друга с полуслова, подходить друг другу, как края заточенных до микрон пластин, наш отряд должен стать единым механизмом, семьей.

Задача передо мной стоит еще та. Антон Семенович Макаренко – величайший педагог и психолог нервно курит в сторонке. Я не вижу, что за персонаж кроется за яркой иконкой на экране монитора – мужчина или женщина, поэтому можно, конечно, начать просмотр с первой по очереди иконки, но здесь есть одно но, которое не дает мне покоя, а если мне вдруг сразу понравятся первые семь кандидатов, получается, я даже не дам шансов остальным – тем, кто находится в конце очереди под восемнадцатым и девятнадцатым номером. Начну-ка я, пожалуй, для уравнивания, так сказать, шансов с последней – девятнадцатой иконки.

Я неуверенно навел на нее курсор, еще секунду размышлял, а потом кратко и быстро стукнул пальцем по клавише,

как в омут головой. На экране появилась полуголая, только в одних белых трусиках-стрингах девушка, заводная, хохочущая. Вечернее солнце играет оранжевыми бликами на ее загорелой персиковой коже, мячики большой упругой груди с ореолом темно-коричневых сосков дразнят, манят, притягивая к себе взгляд. Она не так прекрасно сложена, как Гелла, но сколько в ней безумно необузданной сексуальной энергии, привлекательности, она заводит мое сердце с пол-оборота, как мотор гоночного автомобиля заводится от поворота ключа, заставляя его бешено крутиться. Девушка сидит в мчащейся на полной скорости легковой машине, на пассажирском сиденье рядом с водителем, в открытое окно врывается ветер и треплет ее длинные густые каштановые волосы. Не знаю, под каким она допингом, то ли выпила, то ли покурила, но глаза шальные, ей хорошо, она в восторге от теплого дружелюбного вечера, нежно обнимающего ее за округлые покатые плечи, от прекрасного дня, проведенного на берегу ласкового лазурного моря, от тех жадных восхищенных взглядов, которые все время бросают на нее мужчины, от нескончаемого яркого пестрого пейзажа с буйной южной растительностью, проносащегося за окном, а впереди ее еще ждет дивная ночь с россыпью крупных, сверкающих на небе, как самые дорогие бриллианты, звезд, такая сказочная, полная откровений, открывающая перед ней двери самых загадочных тайн, сулящая всевозможные приключения, когда, казалось, самые несбыточные желания и мечты нако-

нец сбудутся. Сейчас ей кажется, что возможно все и весь мир улыбается ей, создан под нее, она на отдыхе и готова на любую авантюру.

– Тань, смотри!! – задорно кричит она подруге, сидящей за рулем, и по пояс высовывается из окна навстречу ветру, лету, такому долгожданному отпуску, всему тому, о чем она мечтала холодными зимними вечерами, когда обыденные дни следуют чередой друг за другом, и ты даже не успеваешь их запомнить, потому что понедельник ничем не отличается от среды, а неприветливая вьюга завывает за окном в твоём постылом, сером, убогом провинциальном городе, где обшарпанные некрасивые стены домов подпираются снежными заносами, а в полутемных парадных воняет не пойми чем.

– Ань, что ты делаешь? Перестань сейчас же! – стараюсь перекрыть музыку, рвущуюся на свободу из хрипящих динамиков, пытаюсь образумить ее подруга.

– Здорово-то как! – счастливо улыбается девушка и закрывает глаза. – Какой кайф, Танюха!

Я вижу, как изображение проходит красную рамку, раздается неприятный звук. Обнаженный торс девушки резко отлетел назад от соприкосновения с каким-то препятствием, слышен противный, душераздирающий хруст. Боковую стойку забрызгивает кровью, обезглавленное тело сползает обратно на сиденье, страшный истошный вопль подруги. Всё. Видео остановилось. Мне стало не по себе. Как же так?

Просто не верится. Только что она, такая живая, желанная, радуется всему окружающему миру, наслаждается жизнью в полной мере, проходит всего несколько каких-то жалких секунд – и ее нет, она мертва...

Мы не ценим эти бегущие в никуда секунды, не ведем им счет, а ведь они бесценны, и именно из них состоит вся человеческая жизнь. Такая долгая и такая невероятно короткая!

Я, не раздумывая, резко, одним движением вернул курсор на красную рамку – эту своеобразную точку, когда еще можно совершить чудо и вытащить человека из цепких рук Костлявой. Вот она – девушка Аня, обнаженный торс, который она вытащила из окна автомобиля на всеобщее обозрение, копна волос, откинутаая назад, развевается как флаг на ветру, гордая длинная шея, дуги узких черных бровей, глаза прикрыты длинными, пушистыми ресницами, счастливая улыбка застыла на пухлых губах. Она еще не знает, даже не догадывается, что с ней произойдет через мгновение – разве можно такое представить.

Все, больше я не колебался, надавил на рамку, встал из-за компьютера, выпил глоток уже остывшего кофе и уверенным шагом направился в соседнюю комнату встречать девушку Аню или, как я ее про себя уже назвал, Всадницу без головы. Что я чувствовал в это момент? А что чувствует Господь Бог, подарив человеку шанс продолжать жить дальше. Конечно, я не Господь Бог, но ощущения странные и интересные. Я как-то даже приподнялся в своих глазах. А что? Имею право.

Командир космического спецназа все-таки, не хрен собачий.

Девушка полулежа парила в воздухе на невидимом ложе, в том же месте и примерно так же, как и я до этого. Глаз она пока не открывала, продолжая нежиться в сладкой истоме. Подсознательно она в данный момент просто уверена, что еще несется навстречу чудесному теплому летнему вечеру, овеваемая легким ветерком. В жизни она была еще более привлекательна и соблазнительна, чем на экране монитора.

Как мальчишка, который первый раз увидел обнаженную женщину, рассматривал ее во все глаза и не мог насмотреться, казалось, я на расстоянии физически ощущал тепло ее разогретой на солнце бархатной кожи, впитавшей в себя всю палитру горьковато-пряных запахов южных растений и соленого моря. У меня даже начала слегка кружиться голова.

Девушка, наконец, почувствовав на себе пристальный взгляд, открыла глаза – они были карими, своенравными и еще хмельными. Увидев меня, она даже не удивилась, видимо, пока не пришла в себя, только, проследив за моим пристальным взглядом, прикованным к ее обнаженной груди, зло фыркнула:

– Ну что уставился, онанист золотушный?

Я же, находясь в некоторой прострации и под сильным впечатлением от созерцания прекрасного, так и не в состоянии оторвать глаз от этих двух тугих аппетитных мячиков, называемых девичьей грудью, которые, даже несмотря на то, что она лежала, не потеряли своей строгой формы, мыслен-

но с чувством, с выражением продекламировал про себя стишок, как раз по теме, услышанный в отрочестве и почему-то пришедший мне на ум именно в эту секунду:

Мы, онанисты, народ плечистый,
Нас не заманишь сиськой мясистой,
Нас не заманишь девственной плевой,
Устал правой, работай левой!

Она как-то странно и озадаченно посмотрела на меня, одновременно попыталась отодвинуться подальше.

– Ты что, больной? У тебя с головой все в порядке? – задала она два абсолютно логичных вопроса.

А черт, оказывается, сии нетленные вирши я продекламировал не про себя, а вслух. Тоже мне Демосфен долбанный, ай-яй-яй, как нехорошо получилась. Стыдоба.

Я начал заливаться густой краской до корней волос, даже не хочу гадать, что она обо мне сейчас подумала.

– А где это я? – спросила она, растерянно окидывая помещение взглядом. Наконец до нее что-то начало доходить, дурман, доселе царствовавший в ее хорошенькой головке, стал проясняться. – Где Танюха? И кто ты такой вообще? – Последний вопрос она задала, поеживаясь, с заметной опаской.

Я так понял, она стала подозревать, что в моем лице скрывается известный серийный сексуальный маньяк-извращенец, который похитил ее для дальнейших всевозможных манипуляций с ее сексапильным телом, с целью, так сказать,

удовлетворения своих самых низменных и гнусных сексуальных фантазий, возвращенных его больным воображением. Я не стал осуждать ее за такие мысли, потому как так подумать обо мне было немудрено после декламации моего стиха. Так мне и надо. Хотя нет, надо мне совсем другого: прежде всего сгладить впечатление о себе, далее наладить с ней контакт, объяснить ей все, и чтобы она поняла, что я не «извращуга» какой-нибудь, а ее командир, объяснить, как она здесь оказалась. Но не успел.

– Я сейчас буду кричать, – уверенно заявила она.

– Давай, – я обреченно махнул рукой, понимая, что она не готова меня выслушать.

– А-а-а-а-а!!! – завизжала она что есть мочи.

У меня даже заложило уши. Голос у нее был чертовски звонкий и с легкими тоже все в порядке, судя по тому, как долго она могла вопить, удерживая одну ноту, наподобие оперной дивы, дающей последнюю гастроль в миланском оперном театре «Ла Скала». Кажется, я сморозил большую глупость, начав осмотр кандидатов не с начала, а с конца. Тяжело вздохнув, я уселся напротив нее, прямо в воздухе, закинул ногу на ногу и стал увлеченно рассматривать свои ногти. Внезапно крик оборвался. Я взглянул на девушку. Она от удивления выпучила глаза и открыла рот. Конечно, приятно, когда красивая девушка смотрит на тебя открыв рот, но это не тот случай.

– Ну, и чего ты остановилась? Продолжай.

В ответ тишина. И тут мне очень захотелось постебаться, аж чесаться весь начал.

– Скажи мне, раба божья Анна, – начал я заунывным постылым голосом, – а веруешь ли ты в Господа Бога нашего – Иисуса Христа?

Конечно, это было кощунственно и богохульно, но я ничего поделаться с собой не мог, надеюсь, Господь меня простит, но девушку надо было привести в чувство и заставить себя выслушать, и потом она должна ответить за «онаниста золотушного».

– Да. Да, конечно! – поспешно ответила она.

– А почему же тогда, дочь моя, ты крестик нательный не носишь, что дан тебе при крещении? – На девушку приятно было посмотреть – она стала бледная как полотно, видно, серьезно струхнула.

– Я... м-м-м... это, сняла его, когда купалась, а потом просто надеть забыла, – заикаясь, вдохновенно врала она.

Молодец, быстро нашлась.

– Ой не лги мне, дочь моя. Нельзя здесь лгать, грех это. А Библию ты читаешь?

Она отрицательно мотнула головой.

– Значит, и не молишься на ночь? – мой скорбный голос звучал как страшный приговор. – Тогда послушай меня, раба божья Анна. И вдруг после скорби... – начал читать я наизусть Евангелие от Матфея: – солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные

поколеблются. Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров от края небес до края их...

Откуда я так хорошо знал Евангелие? Да не знал я его, и если честно, то, к своему глубочайшему стыду, даже не читал никогда целиком. Хотя и считал себя относительно верующим человеком. Просто когда-то прочитал отрывок о грядущем апокалипсисе, о котором все время твердили все наши СМИ, пытаясь запугать во что бы то ни стало до усрачки простых обывателей, ну и запомнил, а тут этот отрывок пригодился как нельзя кстати.

Все. Девушка созрела. Она сидела как громом пораженная, тихая такая и смотрела на меня преданными глазами.

– Ты поняла меня?

Она утвердительно закивала головой. Хотя по ее карим очам, в которых царила «полная глубина», я-то понял, что она не поняла ни хрена.

– А вы кто? – продолжая слегка заикаться от волнения, уважительно спросила она.

Обращение на «вы» мне очень понравилось, согласитесь, это намного лучше и, что самое главное, гораздо учтивее, чем «онанист золотушный». Так-то, красавица. Вот теперь можно и пообщаться. Я не стал сразу отвечать на поставлен-

ный ею вопрос, кто я. Хотя меня так и подмывало высокопарно сплюнуть что-то типа – я твой командир, а с этого момента вообще царь и Бог для тебя. Наверное, это было бы уже чересчур.

– Смотри. Узнаешь себя? – я взмахнул правой рукой и на стене появилось изображение Ани, летящей с бешеной скоростью в автомобиле, высунувшейся из окна навстречу своей смерти. Опять утвердительный кивок. – Тогда сиди, смотри, слушай и не перебивай.

Я разъяснил ей все точно так же, как до этого Гелла объясняла мне. Только в отличие от меня, Аня справилась со стрессом быстрее, и, вообще, она оказалось девушкой понятливой и крайне сообразительной. На удивление быстро въехала в тему, внимательно выслушала меня, по ходу задав всего пару вопросов. Абсолютно спокойно, без истерик дала мне продолжить и закончить. После чего решительно заявила:

– Ну, все понятно, я, конечно, согласна помочь местным и все такое, но спать с тобой не буду.

Интересный поворот. На что мне пришлось тут же заметить, что она меня не интересуется ни в коей мере и никоим образом и, вообще, спать с ней – это последнее, чего бы мне хотелось в этой или же в другой жизни – это была подлая, наглая и беспардонная ложь. Потому как какая-то часть меня, функционируя достаточно автономно и живя отдельной жизнью, находясь под сильным впечатлением от прелестей де-

вушки, восстала, оттопыривая мои брюки в районе ширинок, сковывая тем самым донельзя мои движения. Эта часть из всех сил тянулась к очаровательной Ане, как подсолнух жарким августовским полднем тянется к солнцу. Близость чувственного, обнаженного тела Ани и полугодовалое отсутствие интимной близости с лицами противоположного пола сильно способствовали этому подъему, и еще, конечно, надо быть честным, чего греха таить, где-то в глубине, я бы даже сказал, очень глубоко в душе, я мечтал, что Аня воспримет меня как рыцаря в сияющих доспехах, спасшего ее от неминуемой гибели, обязательно преисполнится, вспыхнет ну и... Ну вы меня понимаете, не маленькие. Возможно, я бы даже вряд ли ее вот так сходу, не раздумывая выбрал, если бы мой организм не испытывал неутоленный полугодовой сексуальный голод. Мужики. Мужики, чем вы вообще думаете? На мое утверждение, что она меня ну ни капельки не интересует, Аня ответила ехидной ухмылочкой, которая говорила о том, что провести ее мне, скорей всего, не удалось.

– А тебя вообще как звать-то? – поинтересовалась Аня.

Ну и где тот уважительный тон, с которым она обращалась ко мне еще полчаса назад?

– Олегом меня звать, но для тебя – товарищ командир, – попытался я хоть как-то сохранить свой статус-кво. И вообще...

Вот что, девушка, ступай к себе, а у меня еще дел по самое не балуйся, – обратился я к Ане строгим командирским

ГОЛОСОМ.

– А какие у тебя дела?

– Я же тебе говорил, что нужно отобрать еще шесть человек.

– А можно повыбирать с тобой, а то чего я одна буду сидеть?

Ну пожалуйста!

Я посмотрел на ее умиленно скорченную, якобы смиренную рожицу, ну как тут откажешь! Опять тяжело вздохнул и согласился:

– Ладно, давай выбирать вместе, только накинь на себя что-нибудь попримочней.

Она картинно вскочила, вытянулась в струнку, отдала честь и, давась от смеха, громогласно произнесла:

– Слушаюсь, товарищ командир! – Ее пухлые груди при этом качнулись из стороны в сторону, словно тоже отсалютовали, заставив меня сжать зубы.

Я с тоской проводил длинные стройные ноги, уносящие сквозь стену загорелую спину, аппетитнейшие полушария попки, разделенные тонкой полоской трусиков-стрингов, ну и всего остального, что прилагается к этому. Еще раз вздохнул и, как побитая собака, поплелся в свою конуру.

Первое, что я сделал, заварил себе чай с мятой, говорят, успокаивает, лучше бы, конечно, брому, но где его взять, разве что у Геллы попросить. Представляю, как это будет выглядеть: «Уважаемая Гелла, не найдется ли у вас чего-нибудь

этакого, а то стояк вконец замучил».

Я опять уселся за компьютер. На мониторе осталось восемнадцать иконок – и только десять человек, которых я смогу выбрать. Сейчас я допью чай, успокоюсь, соберусь, а то эта красавица мне совсем мозги набекрень сдвинула, и от начала до конца просмотрю всех и только после этого кому-то отдам предпочтение. «И, дорогой Олежек, постарайся в следующий раз думать все-таки головой», – назидательно произнес мой внутренней голос. «О, давно тебя не было слышно. А я чем по-твоему думал?» – зло парировал я. «Ну во всяком случае не той головой, что на плечах», – съязвил внутренний голос и быстренько удалился, не дав мне возможность оправдаться. Сука!

Стена раздвинулась, и на пороге появилась Аня, заставив меня захлебнуться горячим чаем и закашляться до слез – эта зараза решила меня добить окончательно! Конечно, она оделась, но выглядела еще круче и еще более сексуально, привлекательнее, чем без одежды. Не знаю, как ей это удалось, но это так. Во-первых, за такой короткий промежуток времени, что она отсутствовала, Аня успела нанести на лицо макияж, свои густые каштановые волосы зачесала назад, собрав их в тугой «конский хвост», напялила короткий белый топик с условным названием «маечка», совсем не закрывавший ее округлый живот с серьгой в пупке. Конечно, маечка прикрывала грудь, но Анечка, дрянь этакая, по какой-то непонятной для меня причине совсем забыла надеть бюстгальтер,

наверное, торопилась очень, поэтому тонкая полупрозрачная ткань, плотно обхватывающая ее грудь и еле сдерживающаяся под таким мощным напором, очерчивая весь рельеф, давала прекрасную возможность рассмотреть все, вплоть до коричневых сосков и небольшой родинки на правой груди. На маечке не на нашем языке, черными, крупными буквами было броско выведено «HOOTERS» – есть такой ресторанчик в Америке, где официанток подбирают с исключительно выдающимися вперед достоинствами, я уверен, что Аня заняла бы в этом ресторанчике должность топ-менеджера, никак не меньше. К ее общему облику надо добавить поношенные коротенькие джинсовые шортики, прохудившиеся в разных местах и сидевшие на ее заднице так, как будто она в них родилась, синие босоножки на высоком каблуке удлиняли и без того длинные ноги. Надо ли говорить, что все это делало ее еще более неотразимой и чертовски, до неприличия сексуальной.

Видя, что я продолжаю кашлять, она деловито подошла и от всей души постучала мне по спине.

– У тебя совесть есть? Ты смерти моей хочешь? – осведомился я, прокашлявшись и продышавшись.

– А что такое? – невинно поинтересовалась она.

– Что такое? – возмутился я. – Ты посмотри на себя! Я же сказал: «Оденься».

– Я оделась, как вы и приказали, товарищ командир, – в ее голосе отчетливо звучали издевательские нотки. – А что не

так-то, Олежек? – притворно спросила она, оглядывая себя со всех сторон.

– Ты, наверное, не услышала слово «прилично», шедшее сразу за словом «оденься», или вообще никогда этого слова не слышала? Разоделась как... – я не стал продолжать. Она в упор посмотрела на меня, в глазах вовсю резвились бесенята.

– Ну, и как кто я разоделась?

Я молчал.

– Во-первых, дорогой товарищ командир, мне так удобно, а во-вторых, тебе же все равно, ты же из этих.

– Из каких из этих?

– Ну из этих, из гламурненьких, – она подняла руки вверх и показала в воздухе кавычки, естественно, маечка тоже поползла вверх, оголив грудь, заставив меня в очередной раз пустить слюну.

– С чего ты взяла?

– Ну как же, ты сам говорил, что тебя женщины не интересуют.

У меня появилось острое желание отправить ее обратно в прошлое. Жалко, Гелла не объяснила, как это делается.

– Я не сказал тебе, что меня женщины не интересуют, – произнес я зло по слогам. – Я сказал, что ты меня не интересуешь.

– Да?.. Ну извини, значит, я тебя неправильно поняла, хотя для меня это одно и то же, – ехидно сказала она, усажива-

ясь в кресло и гипнотизируя своими карими игривыми очами.

– Ладно, не обижайся, хорош кипятиться, проехали. Мир, ок?

Действительно, чего на нее обижаться – сам выбрал это диво дивное, никто пистолет у виска не держал. Хотя, я так чувствую, нахлебаюсь я с ней по полной.

– Ок. Мир.

– Супер! – улыбнулась она. – У тебя, кстати, ничего нету выпить? А то у меня была бутылочка «Шеридана» в серванте, куда-то делась.

А вот это уже интересно. Каждый путешественник во времени, преодолевая пространственно-временной континуум, непременно желает набубениться. Интересно, как сей удивительный факт прокомментировал бы великий ученый-теоретик, физик господин Эйнштейн, и как это вообще вписывается в его теорию относительности?

– Выпить у меня тоже ничего нет. Пусто. Я так понимаю, у них здесь в будущем сухой закон. Так что, не обессудь. Могу предложить кофе, чаю или свежавыжатых соков на выбор.

– А что ты пьешь?

– Чай... с мятой.

– С мятой? Как интересно... – сказала она, задумчиво накручивая волосы на палец. – Я слышала, мята успокаивает. Ты что, сильно возбудился?

В ее глазах уже не бесенята плясали, а целая свора чер-

тей, всю отжигая, отплясывала канкан. Пожалуй, она решила отыграться по полной за то, что я напугал ее Страшным судом. Я скрипнул зубами и, подняв глаза к небу, в немой мольбе застонал: «Господи, дай мне силы не придумать эту язву!»

– Все-все. Молчу! – Она вскинула руки вверх, как будто сдавалась, проклятая маечка с легкостью поднялась вслед за загорелыми руками своей сволочной хозяйки. – Больше не буду, Олежек, честное слово. Согласна на апельсиновый сок.

Я открыл холодильник, плеснул этой ехидне ледяного апельсинового сока в стакан в тайной надежде, что она застудит свое горло и помолчит хоть немного, будучи не в состоянии больше язвить и издеваться надо мной. Протянул ей стакан – так люди подают яд своей жертве.

– Спасибо, – сказала она, делая небольшой глоток, подленько так глядя на меня поверх стакана своими лукавыми, шальными глазами.

– На здоровье, рыба моя.

Сам я уселся за компьютер. Она тут же подтянула кресло, в котором сидела, поближе ко мне, забралась в него с ногами, положила руки и подбородок на мое плечо, как будто так и надо. Эта чертовка еще и пахла здорово. Сейчас она находилась в опасной близости, заставив мое тело напрячься, мята не помогала, но, разумеется, мое состояние ее нисколько не трогало.

– Ну, что там у нас? – бодро поинтересовалась Аня, про-

должая прижиматься ко мне. – Кто следующий на очереди? За кого проголосуем?

По тому азарту, который сквозил в ее голосе, я понял, что она сейчас считает себя игроком, участвующем в этакой своеобразной игре нового толка под названием «Выбирашки». Ну-ну.

Мы просмотрели всех по очереди, никого не пропустили. На душе после всего, что мы увидели, стало пасмурно и паскудно. Некоторое время мы с Аней не могли проронить ни слова. Лишь сидели, оцепенело уставившись на экран компьютера. В комнате повисла ватная, осязаемо зловещая тишина, казалось, даже температура в помещении резко упала на несколько градусов, стало прохладней, и вообще, от чего-то было жутко. Такое впечатление, что тебе на плечи повесели двухпудовые гири. Еще пахло смертью. Она витала где-то совсем рядом, взирая на нас, ускользнувших по случаю из ее цепких костлявых рук пустыми глазницами, ее тошнотворное дыхание гниющей плоти ощущалось повсюду. Выпить захотелось невероятно. Притихшая Аня только плотнее прижалась ко мне, ее бил легкий озноб.

– Олег, то, что мы сейчас увидели, это настолько ужасно, что у меня просто нет слов. Знаешь, когда ты мне показал, как умерла я, это... ну как сказать-то... – запнулась она на мгновение, подбирая слова. – Ну мне все равно моя смерть кажется нереальной вроде, как понарошку, ну как подделка какая-то, вроде прикола, что ли... И потом, мы же сейчас с

тобой живы, разговариваем, дышим, я чувствую твоё тепло и поэтому, наверное, не верю, что я умерла. Да, согласна, я всё видела, что со мной произошло, головой всё понимаю, но это как будто случилось не со мной, а с кем-то другим. Но тут, когда касается других, всё настолько реально, бр-р-р! Страшно-то как, молодые, красивые, сильные, крепкие – они не заслужили этого. – Она замолчала на время, стараясь переварить увиденное. – Ты ведь можешь?.. – призывно обратилась она ко мне, тормоша за плечи и с мольбой глядя на меня.

Я отрицательно помотал головой, понимая, куда она клонит.

– Ну, Олег, их же можно всех спасти. Правда?

– Теоретически да, – ответил я как можно спокойней, хотя у самой кошки на душе скребли. – Но практически нет. Нам разрешено достать из прошлого ещё шестерых, на этом лимит кончается.

– А как же остальные?

– Остальные останутся там, – вздохнул я и указал на экран монитора.

– Но ведь так нельзя, это не по-человечески.

Я ничего не ответил, лишь пожал плечами.

– Какие они здесь все сволочи, гады, суки жестокосердные!

– Они не жестокосердные, Ань, они прагматичные. Ты только представь, сколько народу умерло вот так, не по ста-

рости, а по глупости, по странному стечению обстоятельств со времен сотворения мира – миллиарды и миллиарды, и большинство из них молодые, умные, красивые, добрые, хорошие и достойные во всех отношениях люди, но, к сожалению, их невозможно спасти всех. Смирись. Такова жизнь. Таков закон природы. От этого никуда не деться. Просто нам с тобой и еще шестерым выпал нереальный шанс не гнить сейчас в земле, а продолжить жить, и жить не просто так, бесполезно копя небо, а чем-то помочь другим людям, сделать что-то нужное и хорошее не для себя, а для других. Понимаешь меня?

– Да, Олег, понимаю, конечно, ты прав на все сто. Ну и кого ты выберешь следующего?

Я посмотрел на присмирившую Аню, в ее голосе теперь не было давешнего азартного оптимизма, ей уже совсем не хотелось играть в «Выбирашки». Оказалось, что это совсем не весело и ой как не просто, она передала мне это право выбора в единоличное пользование, я ее за это не винил. Ответственность брать на себя невероятно тяжело, а в этом случае тем более.

– И еще, знаешь, Олег, – глухо произнесла она, посмотрев на меня исподлобья, – спасибо, что выбрал меня.

– Принято. Кофе будешь? – спросил я, решив разрядить ту тяжелую атмосферу, что создалась в комнате.

– Да, буду, если можно, то очень крепкий.

– Эспрессо?

– Да, эспрессо.

Я отправился к аппарату, чтобы заварить для нас кофе.

– Ты так и не сказал, кого ты выбрал.

Глядя, как горячий кофе шипя льется тонкой, мутной струйкой в кружки, образуя темную пену, я задумался. Передо мной тут же всплыла худенькая, высокая, голубоглазая, с короткой стрижкой девушка-блондинка, одетая в белые мокасины, голубые джинсы и белую демисезонную куртку-плащевку, поднимающаяся по эскалатору в каком-то гипермаркете.

По тому, как угловато, неуверенно она держится, постоянно заправляя длинными музыкальными пальцами волосы за уши, она явно не гордится своей модельной внешностью, наоборот, видно, что, слегка сутулясь, она старается быть чуть ниже, стесняясь своего роста, пытаясь его хоть как-то скрыть. Наверняка в школе ее травили, обзывая «дылда», «шпала», «шлагбаум» или еще как – обидных прозвищ так много. Она выросла, закончила школу. Стала очень приятной, интересной девушкой, но те постоянные незаслуженные оскорбления, что швыряли в ее адрес одноклассники, слишком крепко укоренились в ее подсознании. Она до сих пор не верит, что теперь мужчины смотрят на нее с интересом, что она может нравиться. Ей все кажется, они обращают на нее внимание лишь потому, что их удивляет ее высокий рост. Она уверена, что он отталкивает их.

Снизу, по эскалатору, торопясь, как торопятся все дети

неизвестно куда, ведь еще столько дел, которые нужно переделать, перепрыгивая через две ступеньки, взбирается наверх мальчишка лет семи. Его мама увлеклась покупками и, мечтая о том, как она будет круто выглядеть этим летом, примеряет, вертясь перед зеркалом в примерочной, очередную шмотку, она на распутье, никак не может выбрать себе новую обнову, а сынишке сказала: «Я сейчас, быстро. Ты подожди меня здесь на скамеечке, возле магазина. Только никуда не уходи». Но просто так без дела сидеть на скамейке, ожидая маму, ему скучно, вот он и нашел себе занятие – катается на эскалаторе, ему нравится это. Здорово! Он допрыгивает до высокой тети, останавливается рядом с ней, задрав голову, с любопытством смотрит на нее, девушка мило улыбается, подмигивает мальчишке. Он карзубо улыбается в ответ – недавно выпал еще один молочный зуб.

Эскалатор донес их наконец доверху, сейчас они должны ступить на площадку и разойтись в разные стороны, девушка пойдет по магазинам, мальчишка поедет обратно вниз. Он торопится, делает первый шаг – металлическая панель, прикрывающее жерло крутящегося эскалатора, под ним разъезжается, он падает вниз. Девушка, не задумываясь, молниеносно ринулась за ним. Откуда такая хорошая реакция? Не давая ребенку упасть, рывком подхватывает его и выбрасывает наружу, но сама выбраться уже не успевает – лента эскалатора двигается хоть и медленно, но неотвратимо и, как гигантская, жирная змея, засасывая девушку, увле-

кает за собой, неторопливо перемалывает ее тело на глазах изумленного, спасенного ею мальчишки, который так даже ничего не понял и не успел толком испугаться. Последнее, что она успевает сделать, корчась от ужасной боли, выкидывает своими красивыми длинными пальцами его ярко-красную шапочку с помпоном.

– Для начала ту девушку на эскалаторе, в гипермаркете. Она заслуживает этого, – твердо сказал я, отвечая на поставленный Аней вопрос, и передал ей кружку с дымящимся крепким кофе.

– Спасибо, – поблагодарила меня Аня, принимая обеими руками кружку. – Ее зовут Алина.

– Да, я помню, – ответил я, глотнув горького, терпкого напитка, и снова уселся за комп.

После Алины был выбран Юра – невысокий, жилистый парень с копной непослушных, соломенных волос, непокорно торчащих в разные стороны, и сколько бы он их ни причесывал, какие бы стрижки ни делал, они все равно никак не хотели укладываться хоть в какое-либо подобие прически. Юра имел врожденное чувство собственного достоинства и обостренное чувство справедливости. Он не так давно закончил школу, но повзрослел намного раньше. Скорей всего раннему взрослению способствовало то, что отец Юры поступил подло и несправедливо много лет назад, бросив их с матерью и крохотной сестренкой на руках. Юра расценивал

это как предательство. От отца не было никакой помощи. Он как будто забыл об их существовании. Мама пахала с утра до ночи на двух работах, пытаясь хоть как-то справиться с нищетой, свести концы с концами и вырастить двух детей. Юра знал, что он в семье хоть и маленький, но мужчина. Помогал маме как только мог, а чуть подрос, пошел работать. Больше всего на свете он хотел, чтобы его родные больше не знали, что такое нищета, не считали каждую копейку, часто недоедая, потому что этих самых копеек не хватало.

Сейчас он работал на сталелитейном заводе. Начал прилично зарабатывать, и им втроем стало жить намного легче, он мог время от времени просто так делать подарки маме и взрослеющей сестренке, а еще откладывал сестренке на институт. Мама, принимая подарки от сына, крепко прижимала натруженными руками их к груди, в уголках уставших глаз появлялись слезы гордости за сына, что он стал такой взрослый, настоящий мужчина – сильный, любящий, внимательный, крепкое плечо и твердая опора.

Была зима. Воскресный день. Несмотря на яркое солнце, снег начал падать с утра редкими, красивыми, крупными снежинками, как будто кто-то сверху раскрыл пачку овсяных хлопьев, взятую с полки магазина, и начал трусить ею над городом, над головами прохожих. Легкий бодрящий морозец, утопанный настил снега на тротуарах во дворе, хрустящий под ногами. Настроение прекрасное. Юра сегодня договорился с Юлей, девчонкой, которая ему очень нравит-

ся, пойти в кино. А сейчас он выгуливал свою собаку алабая – красивую белую суку, с короткой шерстью, подведенными, словно накрашенными умелым мейкапщиком, коричневыми, умными глазками, купированным хвостом и ушами. Собака серьезная. Она была уже достаточно крупная, но на самом деле еще щенок.

Юра с детства мечтал о собаке, но тогда они не могли себе позволить, а сейчас это стало возможным, ему удалось по случаю у знакомого, недорого, поскольку это был последний в помете, приобрести щенка среднеазиатской овчарки. Хоть щенок и был последышем, они, как правило, самые слабые и болезненные, но собака, которая досталась Юре, опровергала все законы собачьего бытия, напротив, росла большой умницей, крепкой, сильной и невероятно красивой, чем-то напоминала белого мишку, имела веселый добрый нрав, умела себя вести. Всегда держалась достойно, напоминая своими повадками истинную леди. Хотя, надо отдать должное, была еще и редкой хитрулей, впрочем, как и все особи женского пола.

Они не спеша подходили к дому, уже заканчивая свой ежедневный утренний моцион, собака сделала все свои дела и к тому же навалялась вволю в снегу, шерсть блестела, она улыбалась, у нее настроение тоже было хорошее. Возле соседнего подъезда, заехав на тротуар всеми четырьмя колесами, стоял черный джип – «шестая бэха», он встал так, что заставлял всех прохожих, чертыхаясь про себя, то и дело

рискуя упасть, обходить его по скользкой, нечищенной проезжей части, облокотясь на раскрытую дверцу. Возле джипа стоял сам хозяин машины, мужчина с Востока, этакий хозяин жизни. Одет дорого, но не по сезону. Руки от холода спрятаны в карманы короткой черной кожаной куртки, узкие джинсы, на ногах дорогие, «выпендренные», начищенные до блеска остроносые туфли. На всех проходящих он поглядывал свысока черными как угольки, юркими глазами. Он явно не хотел замечать, сколько неудобств создает припаркованное не на месте, принадлежащее ему чудо баварского автомобильного концерна, наоборот, ситуация его явно забавляла.

Он весело покрикивал на пожилых людей, проходящих мимо: «Эй, бабка, сюда не ходи, туда ходи, а то снег в башка попадет, совсем мертвый будешь!» Произносил эту фразу из известного фильма, нагло ухмыляясь в свою черную как смоль, трехдневную щетину, ему это казалось очень смешным. Никто ему ничего не говорил, не старался призвать уважать остальных людей, потому что связываться с «джигитом» никто не хотел, себе же дороже. Это ему очень льстило, бояться – значит уважают, решил он. Рядом терлась его собака – мощный стаффорд, тоже не пышущий любезностью.

Юра со своей питомицей поравнялся с джипом. Стафф, оторвавшись от обнюхивания очередного сугроба, поднял свои немигающие, безжизненные как у акулы глазки, увидев среднеазиатскую овчарку, почему-то посчитал ее легкой до-

бычей и засеменял на своих кривых лапках прямо наперерез. Водитель джипа не стал отзывать свою собаку, наоборот, он с любопытством следил за развитием событий. Стафф без предупреждения попытался снизу вцепиться алабаю в горло, но среднеазиатская овчарка обладает бешеной реакцией и мертвой хваткой: овчарка легко, играючи увернулась от страшной открытой слюнявой пасти, схватила стаффорда за холку, сомкнув свои белоснежные зубы в железной хватке, и стала его трепать из стороны в сторону, стафф завизжал от боли.

– Эй, сука, ты чего дэлаешь? – с заметным акцентом угрожающе заорал хозяин стаффа. – А ну убрал живо свою шавку. – И грязно выругавшись, накинулся на Юру с кулаками.

Юра когда-то занимался боксом, не так чтобы серьезно, а больше для общего развития, поэтому, чтобы остудить разгорячившегося джигита, встретил его прямым, хорошо поставленным хуком в челюсть. Но в последнюю секунду дорогие башмаки гостя с гор, не имевшие рифленой зимней подошвы, заскользили на ледяной корочке, которая покрывала тротуар, его качнуло в сторону, и Юрин удар пришелся по касательной, кулак лишь чиркнул по скуле, и поэтому серьезного вреда противнику не причинил, не вырубил того, а лишь посадил на жопу, заставив больно удариться тощей задницей о холодный твердый асфальт и невольно ойкнуть от боли, потирая скулу. Юра, не привыкший бить лежачего, не в его это правилах, счел для себя, что инцидент исчерпан,

а воспитательные меры возымели свое действие, поинтересовался, широко улыбаясь:

– Не ушибся, джигит? Ну ничего, до свадьбы заживет. Поставь машину как надо, а то людям из-за нее не пройти, и за собакой своей приглядывай, не оставляй без присмотра. Он у тебя пес серьезный, а тут дети ходят, свою я сейчас уберу. – Юра повернулся к алабаю, который во всю трепал стаффорда. Джигит чувствовал себя оскорбленным до глубины души и хотел мести немедленной, жестокой. Хорошо понимая, что в драке ему Юру не одолеть, зло зыркнув глазами, резко вскочил на ноги, достал из кармана куртки свой последний аргумент – нож. Возможно, он никогда до этого не слышал такое выражение «дерись как мужчина», а скорей всего из трусости, которую прикрывают красивой оберткой, называя «южный темперамент», заорал:

– Я твою маму еб! – воткнул клинок в спину отвернувшемуся Юре.

Лезвие попало точно в благородное Юркино сердце, он охнул и осел. Нехотя, пытаясь еще как-то сопротивляться случившемуся, не веря, что умирает, рухнул на колени, а потом упал лицом в снег, так и не успев призвать к ответу подонка за ужасное, гнусное оскорбление, адресованное самому близкому, самому святому для Юры человеку – его маме.

Собаки копируют своих хозяев, перенимая их черты характера, и они точно знают – близких обижать нельзя. Алабай, увидев, что произошло с его хозяином, разжав зубы, от-

пустил бляющего от боли стаффа, тот, поскуливая и поджав хвост, затрусил прочь. Среднеазиатская овчарка, так же как и ее хозяин, не прощавшая подлости, решительно бросилась на обидчика, намереваясь порвать того в клочья, но, так же как и ее хозяин, нарвалась на острый нож, умело выставленный джигитом и распоровшим ее грудь, истекая кровью, алабай упал на снег возле тела своего хозяина. Собаки копируют своих хозяев. Стаффорд, почувствовавший кровь и увидев поверженного врага, вернулся и, радостно оскалившись, вцепился алабаю в горло, та была не в силах сопротивляться, а лишь умирающими глазами с тоской, преданно смотрела на своего хозяина.

Юру мы встречали втроем: Аня, Алина и я. Войдя в помещение, откуда мы все появились в этом мире и с легкой руки очень метко названное Алиной «палатой для новорожденных», были несказанно удивлены: в воздухе с закрытыми глазами парил Юра, а у его ног лежала на животе, вытянув лапы вперед, грациозно, как истинная леди, сложив их крест-накрест и положив свою большую мохнатую голову на них, его верная подруга – похожая на белого мишку среднеазиатская овчарка.

– Ну и как такое возможно? – задал я вопрос в никуда, озадаченно почесав затылок.

Потом я вспомнил, что в последнем красном кадре, откуда возможно совершить прыжок в будущее, был не только

Юра, но и его боевая подружка. Интересно, это непогрешимый компьютер по имени Отец ошибся или так должно было случиться. Собака подняла голову и посмотрела на нас.

– Ой, какая миленькая азиатина! – воскликнула Алина и, ни грамма не опасаясь большого серьезного зверя, приблизилась к овчарке, присев возле нее на корточки. Та внимательно посмотрела на Алину и вдруг радостно замахала обрубок своего хвоста, и доверчиво потянула к ней свою лобастую голову. Наверное, по-другому к Алине относиться было нельзя, она была само воплощение добродетели. – Ой, какая ты умничка! Ну и как тебя зовут, красавица? – Алина уже всю гладила собаку по мягкой белоснежной шкуре.

– Ее Даша зовут, – ответил очнувшийся Юра. Он открыл глаза, автоматически отвечая на Алинкин вопрос, но сам пока не пришел до конца в себя и еще не понимал, где находится. – Вообще-то, по паспорту она Амударья Фер Хан, но это долго сразу не выговоришь, так что просто Даша, – продолжал объяснять Юра. – А где этот джигит? Куда он подевался, и что это за комната? Где я вообще?

Следующая на очереди была Карина – маленькая, похожая на куклу или скорее на статуэтку, вырезанную с большой любовью, величайшем старанием и искусством из темной дорогой породы дерева умелым резчиком, сумевшим соблюсти идеальные пропорции тела и создать шедевр. Очень красивая восточная девушка, с темными без зрачков минда-

левидными глазами, смуглой кожей и густыми, иссиня-черными, как крыло ворона, волосами.

Лето, жара. Она, одетая в маечку и белые шортики, возвращается на съемную квартиру, по дороге забежав в продовольственный магазин купить чего-нибудь на ужин, на завтрак и заодно на обед. Надо кормить не только себя, но и своего парня, с которым живет уже полгода. С пакетами в обеих руках поднимается по лестнице на четвертый этаж, тяжелые пакеты больно впиваются в нежные ладони и оттягивают руки. Сегодня она обязательно поговорит с Артемом, так жить дальше нельзя: два месяца назад он уволился с работы, потому что, как по его словам, не намерен вкалывать как вол, мало того что за гроши, да еще и в таком месте, где его не понимают и не ценят, так как считает это ниже своего достоинства. Да, сейчас он в поиске. Работу найдет обязательно, но в данный момент у него депрессия – это значит, что он целый день лежит дома на диване, уставившись в телек, и без конца переключает каналы. Отложенные деньги заканчиваются быстро, они едят, одеваются, ходят в кино, оплачивают квартиру только на то, что зарабатывает Карина, а это не очень много. Она парикмахер, весь день на ногах.

Завивая, постригая, крася, Карина выслушивает капризных богатеньких клиенток, у которых, оказывается, ужасные неподъемные и тяжело решаемые проблемы по жизни: одна, выезжая с парковки, поцарапала крыло своего новенького «ягуара», другая сетует на то, что в ресторане, где она по-

стоянно ужинает, вороватый, ленивый, наглый персонал, который думает не о том, как прилежно работать, понимать с полуслова и тут же удовлетворять потребности своих самых дорогих завсегдатаев, а лишь о том, как бы выманить у них дополнительные чаевые, ничего не делая взамен. Третья возмущена тем, что в Милане стало совсем нечего купить, бутики абсолютно пустые, продают лишь коллекции прошлого сезона – это ужасно. Карина, аккуратно ровняя ножницами концы волос, слушая очередную «тяжелейшую» жизненную проблему, вежливо улыбаясь, с пониманием и на полном серьезе, а как иначе, поддакивает брюзжащей посетительнице:

– Да и не говорите, ай-яй-яй. Как вы все это терпите? Какое несчастье, вам так не везет.

К вечеру Карина устает ужасно и морально, и физически с ног валится, а еще надо приготовить ужин, постирать, погладить, прибрать квартиру. Она сегодня поставит Артему условие: завтра, хочет он этого или нет, обязан пойти устроиться на работу.

Раздается звонок мобильного, звонит клиентка, просит перенести ее запись на послезавтра. Карина, разговаривая по телефону, прижав его плечом к уху, потому что руки заняты, и стараясь не выронить полные пакеты, отворяет двери, заходит домой, с облегчением кладет покупки на кухонный стол. За дверью, соединяющей комнату с кухней, стоит ее парень, он весь день маялся дурью, ему скучно, он решает развлечься, повеселиться, разыграть Карину. Надевает на голову мас-

ку Кинг Конга и, дождавшись, когда Карина договорится обо всем с клиенткой и положит трубку, этот жизнерадостный идиот, подражая самой известной в мире обезьяне, с диким воплем выскакивает из-за угла.

Карина от неожиданности вскрикивает, схватившись правой рукой за сердце, резко отступает назад, со всего маху ударяется виском об угол открытой дверцы кухонного шкафчика и падает замертво. Все. Она наша. В смысле, в нашей команде.

Андрей, несмотря на свой юный возраст, считался опытным водилой, поскольку легко, играючи справлялся со своей многотонной фурой: разворачивая ее на крохотном пяточке и не сбавляя газа, филигранно загонял ее задом по зеркалам для разгрузки и погрузки в такие узкие туннели, что аж дух захватывало, вызывало уважение даже у повидавших виды и пробывших очень длительное время за рулем его коллег. Несмотря на все сложности и трудности, из которых складывалась нелегкая работа дальнбойщика, она очень нравилась Андрею, а еще он любил свою работу, потому что считал ее единственным шансом увидеть мир таким, каков он есть, а не фасадную, глянцевою его сторону, которую, как правило, показывают охающим от восторга туристам.

Побывать в разных странах, посмотреть, как живут другие люди, – это с детства было его мечтой. Вот и сейчас Андрей возвращался из дальней поездки. Мощный дизельный

двигатель его грузовой машины, монотонно урча, пожирал километры, наматывая их на колеса. За окном уже осень, она в средней полосе России просто необычайно, сказочно прекрасна, талантливо воспета самыми именитыми поэтами и писателями, которые, восхищаясь ею, преклоняясь перед ее величием, наперебой посвящали ей свои рассказы, стихи, песни, писали оды. Но, наверное, словами все равно невозможно до конца точно передать всю ту печальную, цепляющую за сердце красоту отходящей ко сну, уставшей от долгого знойного лета, прощающейся со всеми до следующего года природы.

Расставаясь с нами, осень, как истинная женщина, желает, чтобы ее непременно запомнили. На свой последний бал она оделась в самый яркий, красивый и дорогой наряд, чтобы опрокинуть нас, поразить, заставить забыв обо всем, ловить каждое мгновение, боясь пропустить хоть что-нибудь, не отрываясь смотреть на нее замороженными глазами. Ярко-желтые краски цвета охры, смешиваясь с насыщенными темно-багряными цветами, превращают пейзаж за окном в божественно волшебную, сводящую с ума акварель, написанную самым талантливым в мире мастером, имя которого – Создатель.

Единственный, кто не понимал всей этой красоты и оспаривал ее, – это остервенелый ветер, мнящий себя перфекционистом, желающий во что бы то ни стало докопаться до истинной сути вещей. Он беспощадно стаскивал с деревьев

одежду из листьев, желая во что бы то ни стало заставить их обнажиться. Комкая сорванные листья, он пригоршнями кидал их на мокрый асфальт под колеса пробегающего автомобиля. Лобовое стекло «Вольво» застилают капельки дождя, стеклоочистители лениво их сбрасывают, но дождь не сдается, с упорством покрывает стекло снова и снова. За окном смеркается – осенью темнеет рано, там снаружи зябко, а в кабине тепло и уютно. Россыпь огоньков на панели приборов говорит о том, что можно ни о чем не беспокоиться, с машиной все в порядке. Радио настроено на любимую волну, легкая негромкая музыка разливается по кабине.

Настроение у Андрея замечательное, поездка прошла успешно: и на границе почти не стоял – очереди не было, и все таможенные формальности были соблюдены согласно регламенту на редкость быстро. Скоро он будет дома. В динамиках зазвучала одна из любимых его песен, он, улыбаясь в недавно отпущенные для солидности усы, невольно начинает подпевать, ладонью стуча по баранке отбивает такт. Убегающая бесконечная лента шоссе спряталась впереди в осеннем лесу за крутым поворотом, оттуда показались размытые дождем огни фар маленького маршрутного микроавтобуса.

– Что он делает? – напрягся Андрей.

Маршрутка, явно не вписавшись в поворот, на приличной скорости пересекла сплошную, выскочила на встречу и летела теперь прямо в лоб Андрюхиной фуры. Андрей резко

дал по тормозам, одновременно нажал на басовитый клаксон. Фура на скользкой дороге при резком торможении ведет себя непредсказуемо, вот и сейчас, взвизгнув тормозами, гася скорость, она начала складываться. Прицеп стал догонять тягач, перегораживая дорогу полностью. Водитель маршрутки вышел из заноса, но еще не поймал свою полосу, затормозить уже не успеет, и, скорей всего, войдет по самую задницу в перегородивший дорогу прицеп. Андрей, конечно, не пострадает, но погибнут пассажиры переполненной маршрутки. Надо спасти ситуацию.

Андрей убирает ногу с тормоза, выкручивает баранку, выжимая сцепление, переключает пониженную и вжимает педаль газа в пол. Тяжелая фура, набирая обороты, прокручивая колеса, нехотя уходит из бокового юза, срывается с места, освобождая дорогу маршрутке, которая в последний момент успевает проскочить. Водитель и пассажиры облегченно вздыхают, но грузеную фуру уже не остановить, она, набрав скорость, на полном ходу улетает с шоссе в кювет, переворачиваясь в глубоком придорожном овраге. Металлическая кабина мнется как картон, душа, зажимая и переламывая как спичку Андрея, тело которого потом будут в течение долгих часов, при помощи автогена доставать эмчезовцы.

Ну что же, Андрей, добро пожаловать на борт.

Наша бригада потихоньку росла и ширилась. Каждого нового члена мы все вместе встречали в палате для новорож-

денных, но выбор, кто он, этот следующий, лежал только на мне.

Вечером мы собирались на посиделки за чаем с пирожными у меня в комнате. Мой холодильник продолжал не переставая, каждый раз несказанно удивляя и радуя меня, творить чудеса кулинарного и поварского искусства – свежие деликатесы в его недрах не иссякали. Откуда все бралось одному Богу известно. Мы садились в кружок, рассказывали о себе, вспоминая свое прошлое, пытались выяснить, не было ли у нас общих знакомых, а вдруг наши дороги пересекались тогда, в далеком теперь уже, двадцать первом веке.

Для меня было крайне удивительно, что ребята, попавшие к нам, спокойно воспринимали действительность, никто не истерил, не рыдал, не возмущался по поводу несправедливости своей доли, не клял судьбу-индейку, то есть психика у всех кандидатов была устойчивой. По тому, как ребята усваивали все происходящее, насколько быстро они адаптировались, я, поразмышляв и все сопоставив, понял, что они совсем не зря были выбраны Отцом из семи с половиной миллиардов проживающих в то время на планете Земля людей. Они были особенные. И дело не только в психологии, было еще что-то такое, неуловимое в чертах их характера, в их человеческой натуре, в сути, заложенной в них при рождении, чему я пока еще не нашел обозначения.

Ни одни посиделки не обходились без Дашки, надо ли говорить, что она стала не только членом команды, но и всеоб-

щей любимицей. Конечно, «девушка» она была строгих правил, поэтому панибратства не позволяла, но собирать ласку, гладить себя разрешала всем без исключения. Когда мы собирались, Дашка ложилась, так чтобы видеть и слышать всех. Лежа в своей излюбленной позе на животе, вытянув и грациозно скрестив передние лапы, старалась быть в центре внимания, казалось, что она, хитро кося глаз, наострив свои купированные, мохнатые уши, внимательно выслушивает каждого, прекрасно понимая, о чем идет речь, составляет свое собственное мнение обо всем сказанном. Я слышал, что среднеазиатских овчарок часто содержали на довольствии в церквях, говорят, они влет распознают плохого человека, или если человек пришел в храм с дурными намерениями в голове и «пряча камень за пазухой», то ни за что такого не пустят на молебен вместе с остальными прихожанами.

Пока ребята трепались между собой, я, отхлебывая кофе из моей любимой большой кружки, намеренно отстраненно наблюдал за их неторопливой беседой, переводя взгляд с одного на другого, про себя с удовлетворением отметил: «Да, пожалуй, я ни в ком не ошибся, выбор сделал правильный. У нас складывается коллектив».

До конца оговоренного Геллой срока и нашей отправкой на Грелиосс – так называлась планета, где мы должны были выполнить свою миссию, оставалось два дня и две вакансии в нашем экипаже.

Наступает вечер. Скоро ребята разойдутся по своим комнатам, улягутся спать, впитывая в себя во сне информацию о планете, куда мы направляемся, о людях, ее населяющих, их язык, тамошний уклад жизни, устройство их общества и многое, многое другое, что нам непременно пригодится во время пребывания на чужой и, наверное, враждебной планете. Одновременно с потоком всевозможных знаний, загружаемых в наши головы во сне, наши тела и мышцы тоже получают свою порцию тайных знаний и тяжелых нагрузок, закаляясь, приобретая небывалую силу, эластичность и гибкость. Мы уже сейчас, вставая по утрам, чувствуем, как все тело, откликаясь на любое наше движение, слегка побаливает.

Все это очень сильно напоминает ситуацию, когда в пустые контейнеры опытный докер вдумчиво, до отказа, под завязку, не оставляя ни одного свободного, не задействованного сантиметра, набивает всевозможным грузом. Загрузка в наши тела будет продолжаться весь полет, пока мы будем находиться в анабиозе. Как сказала Гелла, что мы могли и бодрствовать, но тогда нам не хватит время, чтобы как губка впитать так нужные нам знания. Связь она поддерживает только со мной, по вечерам, когда остаюсь один. Она ненадолго заходит ко мне поинтересоваться, все ли у нас в порядке, возможно, мы в чем-нибудь нуждаемся.

Очень забавно наблюдать за ней, когда она переступает порог моей комнаты. Хотя, как правило, ее красивое каменное, без тени эмоций лицо ничего не выражает, но если

взглянуть повнимательней и попристальней, то в глубине ее серых глаз можно видеть далеко запрятанное любопытство. Ведь она может воочию наблюдать, как жили древние люди, их быт, их личные вещи. Под словами «древний человек», я подразумеваю себя любимого.

Как-то я попал в этнографический музей под открытым небом, там были собраны деревянные постройки, которым уже лет под триста, бревна, из которых они были построены, подверженные постоянному атмосферному воздействию, овеваемые ветрами, сжигаемые ярким солнцем, высохли и задубели, казалось, они стали прочнее стали – извините уж за каламбур. Так вот, в этих самых постройках находились бережно сохраненные личные вещи, которые когда-то принадлежали их обитателям и были неотъемлемой частью их жития-бытия.

Я вот с таким же любопытством, как Гелла, переходя из дома в дом, приносиваясь к необычному запаху, слегка дотрагиваясь рукой до старых вещей с налетом пыли давно ушедших эпох, думал, как это мило, но как тоскливо и ни хрена не прикольно, и вообще, ни за какие коврижки, несмотря даже на свежий чистый воздух и охренительно экологически чистую пищу, не захотел бы жить в то время – вот так без света, без газа, горячей воды, ванны, телека, компа, холодильника и без всех прочих благ цивилизации. Без всего того, без чего мы себе не могли представить жизнь в своем двадцать первом веке.

Встречи с Геллой напоминали уже устоявшийся веками ритуал, вроде японской чайной церемонии.

– Желаю здравствовать, – ровным голосом начинала она общение всегда с этого словосочетания. Я тоже ничего нового выдумывать не старался, поэтому неизменно отвечал своей излюбленной фразой:

– И вам не хворать.

Далее она, как правило, интересовалась, как у нас все проходит. Здесь я тоже отвечал как всегда нейтрально: «У нас все хорошо. Нормально, в общем».

Перекинувшись как в пинг-понге еще парочкой ничего не значащих фраз, она прощалась и покидала меня. Сегодня она после заданных обычных стандартных вопросов не ушла, а, расположив свое роскошное тело в кресле напротив, вопросительно-выжидательно уставилась на меня. Я также молча смотрел на нее, ожидая, что она скажет. После продолжительной паузы Гелла задала вопрос:

– Олег, вы уже приняли окончательное решение по последним двум кандидатам?

– Вообще-то, да, – ответил я.

Хотя это не совсем соответствовало действительности, я еще меньшевался, потому как очень трудно отрезать кого-то одним движением компьютерной мышки, дать шанс жить одним и совсем не дать никакого другим.

– Скажите, Гелла, мне интересно, для чего Отец выбрал такое количество кандидатов, это же не вступительные экза-

мены на бюджетный поток в институте. Отец, как вы сами говорили, сразу же выбрал меня и рекомендовал на должность руководителя, с таким же успехом он мог отобрать и остальных, и не нужна была бы вся эта бодяга, больше напоминающая игру в ромашку «подойдет, не подойдет». Я бы не маялся, а получил бы уже готовую, сформированную, боеспособную команду, и мы бы сейчас уже летели в созвездие Лебедя.

Особый взгляд ее серых глаз заставил меня почувствовать себя первоклассником, которого экзаменует опытнейший, строгий педагог с огромным профессиональным стажем.

– Неужели вы не поняли?! Этот отбор – тест для вас. Мыверяем в ваши руки решение очень серьезной проблемы, и нам хочется быть уверенными, что вы действительно тот, кто нам нужен.

– Отцу все-таки на все сто не доверяете? – ехидно заметил я.

– Не в этом дело. Человек – это прежде всего человек, а не машина. Ему свойственно совершать ошибки.

– Даже вам? – спросил я.

– Мы, Олег, не такие люди, как вы, но хоть между нами и вами лежит целая пропасть из времени, у нас все равно есть то общее, что делает человека человеком.

– Хорошо. Будем считать, что я вас услышал, но как быть с остальными двенадцатью, которые не попадают в команду? Их же тоже для чего-то выбрали?

Она испытующе посмотрела на меня.

– Это резерв.

– Вот сейчас не понял. Отсюда, пожалуйста, поподробнее.

Какой резерв?

Гелла не стала тянуть с ответом. Ответила как всегда честно, прямо и немного жестоко.

– К сожалению, практика показывает, что при выполнении различных заданий людские потери неизбежны.

Я чуть со стула не упал. Хотел ответ получить? Получи, «на котлетос».

– Я так понимаю, мы не первые?

– Да, Олег, и не последние. Каждая группа была вычленена из определенного отрезка прошлого, и совершенно определенного локального образования по месту вашего рождения и места проживания. Вы наверняка задавались вопросом: «Почему из такого количества погибших в прошлом людей выбрали двадцать кандидатов, для которых родной язык русский и которые жили на территории, в прошлом принадлежавшей такой стране, как СССР?»

– Ну да, наверное, задумывался.

– Вы – люди не только одной временной эпохи, лингвистической группы, но и менталитета. Вам проще найти общий язык и понять друг друга.

– Общий язык, – как эхо повторил я, ошарашенно думая сейчас совсем о другом. – И сколько таких групп носится по Вселенной?

– Этого я вам сказать не могу, но немного, и у каждой свое отдельное задание.

И тут меня озарило.

– Кто-то до нас уже направлялся на Грелиосс?

Гелла достаточно долго молчала, глядя на меня, как будто изучала, насколько я психологически крепок и устойчив, чтобы узнать правду. Так смотрит врач перед тем, как объявить больному, что у него последняя стадия рака. После очень долгой, затянувшейся до невозможности паузы она ответила:

– Да, Олег, до вас туда были направлены две группы, и они пропали без вести. Нам о их судьбе ничего не известно.

– Радостно, значит, мы не первые.

– Вас это как-то пугает? Вы боитесь риска, переживаете, что задание слишком опасное и вы не справитесь?

– Да нет. Чего переживать и бояться, мы и так по факту уже давно покойники, чуть раньше или чуть позже по барабану, – ответил я как можно спокойнее и увереннее. И хотя в моем голосе прозвучал отчеканенный металл, только вот насчет уверенности и спокойности я немного не того, ну не так, чтобы был готов, только обретя жизнь, расставаться с ней снова. Причем так быстро. Как-то мне больше нравилось функционировать в живом состоянии, и такой чудо-холодильник под боком опять же.

Серые, с оттенком вселенской печали глаза въедливо смотрели на меня. Гелла была умная, умудренная жизнен-

ным опытом и знаниями женщина, и провести ее было крайне сложно. Да у меня и не получилось. Она легко раскусила меня и не поверила моей браваде, поняв, что она показная.

– Вы нервничаете? – покачала она головой. – Это нормально, я вас прекрасно понимаю. Она протянула мне руку, накрыла своей мягкой, прохладной ладонью мою ладонь. – Мы в вас очень верим, Олег, и уверены, что у вас все получится и вы обязательно вернетесь. – Голос ее звучал убаюкивающе – так обычно мама могла в детстве успокоить, и ты после ее слов засыпал уверенный, что все твои заботы, печали, неприятности завтра обязательно испарятся, исчезнут, потому что есть человек, который отведет от тебя любую неприятность, любую печаль и боль.

Я сейчас подумал, что мама в детстве, когда ты еще совсем мал, является для тебя самым высшим существом в мире, она самая добрая, самая умная, сострадательная и понимающая. Она все знает на свете и все может. Она для тебя и ангел-хранитель, и всемогущий Бог в одном лице, во плоти. Я на несколько секунд почувствовал себя совсем маленьким, растворившись в печальных, все понимающих глазах Геллы. Но это состояние погружения в детство длилось совсем недолго. Я собрался, помотал головой, пытаясь быстрее стряхнуть с себя остатки секундной слабости.

– Со мной все в порядке, Гелла, – теперь я не только говорил это уверенно, но и чувствовал себя уверенным. – Мы сделаем все что можем и даже больше, можете не сомневать-

ся в нас. Гелла еще раз пытливо посмотрела на меня, ощущение было такое, что заглянула ко мне в душу. Легонько, уголками губ, грустно улыбнулась.

– Мы и не сомневаемся, Олег. Все будет хорошо. Отдыхайте.

Она встала, попрощалась и вышла.

Стюардессой Жанна пошла работать потому, что не попала в театральные, срезалась на вступительных. Сразу и без каких-либо шансов, несмотря на свою потрясающую внешность. Мама, папа, все подружки и знакомые в один голос твердили: «Тебе с такой внешностью обязательно в актрисы, надо в театральные поступать». Жанна, рассматривая себя в зеркале, сама себе нравилась – худенькая шатенка с длинными ногами, осиной талией, ну и что же, что грудь небольшая, зато аккуратная, крепкая и очень красивой формы, а еще у нее выразительные, влажные глаза «дикой серны», как говорил ее одноклассник, который запал на нее еще с первого класса. Ну чем не Олеся Судзиловская в своих самых популярных фильмах, ну во всяком случае никак не хуже.

Жанне нравилось, когда на нее заглядывались, и всегда хотелось быть в центре внимания, на виду. Ну что же, не вышло с театральным. Ну и пусть. Потом они сами еще жалеть будут. Тут выпала возможность стать стюардессой и не только быть все время на виду, но еще и побывать в разных уголках мира. А вдруг сложится, как у жены Абрамо-

вича, она ведь тоже работала стюардессой. Познакомится с умным, красивым, обаятельным миллиардером, ведь бывает такое в жизни, кто-то же выигрывает в лотерею, срывая джекпот. Почему не она? Вот только, к сожалению, красавцы-миллиардеры не попадались, симпатяги-миллионеры тоже, а попадались все больше какие-то самовлюбленные, озабоченные уроды, у которых хватало фантазии только на то, чтобы пригласить в какой-то «гадюшник» кофейку попить и прямо там же начинать лапать.

Да еще второй пилот проходу не давал, метр с кепкой, женатый, намного старше нее, со своими сальными глазками и потными ручонками, но все туда же. Обычно, подстерегая ее в укромных уголках салона авиалайнера, он пытался обнять ее за талию, напевая при этом известный шлягер девяностых – «Стюардесса по имени Жанна», причем безбожно фальшивя и перевирая его. Потом, в конце пропетого куплета со словами «обожаема ты и желанна», его шаловливая ручка как бы нечаянно соскальзывала с ее талии и пробегала по тугой попке.

– А что, Жанночка, не провести ли нам с вами сегодня прекрасный вечер у меня в номере?

Тоже мне, мачо долбаный! В общем, сказки не получилось, что-то не так складывалось в ее жизни, не так, как хотелось бы. Этот полет не был исключением. Он уже со взлета, как только лайнер оторвался от бетонки, набирая высоту, лег на крыло, начался отвратительно: вначале Настя, ее

коллега, неожиданно почувствовала себя плохо, ее тошнило. Настя, бледная как кентервильское приведение, прикрывая рот рукой, еле сдерживаясь от выворачивающих ее наизнанку рвотных позывов, без конца бегала в туалет.

– Что же так плохо-то? – поинтересовалась Настя сама у себя. – Надеюсь, отравилась, а не залетела. На робкие предложения Жанны обратиться за помощью к Виктору Андреевичу – капитану авиалайнера, Настя, лишь умоляюще глядя на Жанну измученными глазами полными слез, взмолилась:

– Жанночка, миленькая, со мной все будет в порядке. Только не говори никому. Справишься? Поработаешь за меня, ладно? Я твоя должница.

И Жанне пришлось вкалывать за двоих, а куда денешься – с каждым может такое приключиться. Пока она раскладывала на тележку обеды и напитки для пассажиров, из кабины, словно бильярдный шар из лузы, выкатился второй пилот, как бы между прочим, якобы случайно, противно хихикая, прижался к Жанне сзади своим круглым животиком, после чего дал волю шаловливым ручкам. По всей вероятности, с его точки зрения, она только об этом и грезила по ночам и ей это должно было чрезвычайно понравиться. Она тут же, всенепременно обязана была завестись с пол-оборота, как только что смазанная газонокосилка, увидевшая перед собой девственный нестриженный газон, и в диком экстазе, истошно охая: «Дас ист фантастик!», затащить его в туалет для соития. Ну а где еще можно совершить страстный

половой акт на борту самолета, на высоте десять тысяч метров над землей. Ну, наверное, он так себе все представлял, посмотрелся немецких фильмов для взрослых – идиот.

Жанна, сохраняя самообладание, высвободилась из жарких объятий недоделанного ловеласа. И очень вежливо, но ледяным тоном, желая хоть как-то остудить разгоряченного сердцееда, порекомендовала Борису Васильевичу держать себя в руках. На что тот, не стесняясь, окинул ее откровенно похотливым взглядом с головы до ног, чмокая мокрыми, слюнявыми губами, словно смакуя что-то, ответил:

– Ну-ну, еще не вечер. Я подожду. Ты бы, Жанночка, поласковой была, а то глядишь, ненароком не только с борта, но и вообще с полетов спишут.

«Он еще угрожает, сука!» – молча взбесилась Жанна, вся клопоча, но виду не подала, проглотила. Конечно, было желание съездить по этой наглой, сальной морде, но скандала не хотелось, да и ругаться нельзя: у этой сволочи в отряде была мохнатая лапа и приличные связи. Наговнить мог не по-детски.

Дальше все шло довольно обыденно. Растягивая губы в фальшивой, натянутой улыбке, сверкая белоснежными как жемчуг зубами – вся такая надежная, как весь гражданский флот, Жанна пыталась сохранять самообладание, как ее учили, и была любезной, вежливой и предупредительной. Пыталась не обращать внимание на хамство пассажиров, а сегодня они особенно старались: кому-то срочно надо попить,

кому-то что-то почитать, одному холодно: «

Принесите плед!», д

ругому жарко: «

Девушка, нельзя ли сделать попрохладней?» Кто-то хотел познакомиться, кто-то наперегонки с Настей без усталости посещал туалет. Интересно, тоже залетел или это фобия какая-то – на земле не может, а только в полете, поэтому полгода копил специально для такого случая.

В середине салона громко, навзрыд на руках у матери плакал маленький ребенок, наверное, ушки от перепада давления заложило, мама, беспомощно улыбаясь, пыталась его успокоить. Не помогало. Он распялся еще больше. В общем-то, обычный рейс, обычные пассажиры. Жанна своей легкой, танцующей походкой скользила по узкому проходу, зорко следя за тем, что происходит. Вот пьяный господин весь красный, как синьор Помидор, налитые глаза навывкате, сейчас взорвется, ищет к кому бы прицепиться. Приступ алкогольной неконтролируемой агрессии надо было загасить сразу, в зародыше. Слепительная улыбка, пару добрых фраз. Господин остыл, успокоился, заснул сном праведника и захрапел на весь салон.

Жанна со всем справлялась, не в первой, но раздражение накапливалось, росло потихоньку. Все начинало бесить, а еще эти дни, когда белое не надевать, обтягивающее не носить. «Зато задержки, как у Насти, нет это плюс», – подбадривала себя как могла Жанна.

Ну вот теперь эта корова с полным роксом томатного сока, выросшая ниоткуда словно гриб, чего ей на месте-то не сиделось и в иллюминатор не смотрелось. Избежать столкновения не удалось, Жанна впечаталась в нее как в китайскую стену, естественно, полная дама опрокинула стакан на Жанну, щедро поливая ее красной как кровь, жирной тягучей жидкостью. «Отлично, блузку надо срочно замывать! Господи, когда же этот день закончится?!»

– Ой, девочка, извини! – заверещала корова.

– Ну что вы, это я виновата, вы присаживайтесь на свое место, я вам еще соку принесу. Наконец-то самолет пошел на посадку. Жанна уселась на свой «джамп сит», натруженные ноги гудели, рядом плюхнулась Настя.

– Ну как ты?

– Вроде отошла. Жанночка, спасибо тебе, ты, как пассажиры выйдут, иди. Уборщиков я проконтролирую.

Они обе закрыли глаза, читая обязательную тридцатисекундную мантру, в уме пробегая по пунктам, что им принимать по правилам безопасности полетов на случай аварийной посадки. Шасси лайнера бойко коснулось бетонки. Обязательные аплодисменты пассажиров. Жанна еле-еле стояла на ногах, провожая у трапа пассажиров.

– Всего доброго! Мы счастливы, что вы выбрали нашу авиакомпанию.

Все. Последний «паск» ушел, Жанна чмокнула Настю в щеку, схватила свой чемодан и бегом вниз по трапу. Скорей,

скорей в душ и спать. Каблук на правой ноге, который долгое время служил верой и правдой надломился и отлетел, лишив Жанну равновесия. Она не удержалась и кубарем скатилась вниз, ломая не только ноги, но и шею. Глупо, но бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.